

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

№ 7-8 (38-39)

Июль-август 1932 г.

ОBSAH:

Místo chleba -- kulky.

Boj «kolehozníku».

M. Liščenko. Revoluční zákonitost.

P. Bogdanov. Ožebračená vesnice.

G. Nažimov. Rusko i rolnictvo.

Mezinárodní obzor.

1. *Vl. Tatarinov.* a) Konec reparací.

b) Odzbrojovací konference.

c) Východní Evropa.

2. *V. Buchštab.* Německo na rozcestí.

Feuilleton. *V. I. Čelišev.* Rozpravy o «Krest.

Rossiji» III. «Monarchie nebo republika?».

Ze SSSR:

A. Omeljanov. Dopisy Rudé armády.

Trimic. Sovětská skutečnost.

Souhrn zpráv zpravodajské agentury «Krestross».

Jubileum K. R. Kočarovského.

Na obálce:

Korespondence z Ruska: Magnitogorsk.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо хлеба — пули.

Борьба колхозников.

M. Лищаченко. Революционная законность.

П. Богданов. Ограбленная деревня.

Г. Назимов. Россия и крестьянство.

Международное положение.

1. *Вл. Татаринков.* а) Конец репараций.

б) Конференция по разоружению.

в) Восточная Европа.

2. *В. Бухштаб.* Германия на распутьи.

Фельетон. *В. И. Челищев.* Беседы о «Крест.

России» III. Монархия или республика?

Из России.

А. Омелянов. Письма в Красную армию.

Тримич. Советская действительность.

Сводка сообщений агентства «Крестросс».

Юбилей К. Р. Коcharовского.

На обложке:

Корреспонденция из России: Магнитогорск.

Подписывайтесь на ежемесячный журнал

„ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ“!

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ — «КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ».

Год издания 9-й.

В ряду зарубежных изданий «Вестник Крестьянской России» занимает особое место. Издаваемый политической организацией, имеющей свою определенную программу, «Вестник» не замыкается в узкий круг партийных вопросов и интересов. Печатаемая в условиях свободы слова за рубежом и проникая, несмотря на все трудности, через границу, он прежде всего стремится хотя бы отчасти пополнить собою отсутствие этой свободы в советской России.

Занимая непримиримо-революционную позицию в отношении к коммунистической власти, «Вестник» ставит себе задачей включение соответственных настроений в России в организационные формы, накопление и организацию крестьянской энергии, способной вылиться в национальную революцию, создание в лице организованного крестьянства прочной опоры освобожденной России. Он стремится пробудить в русской эмиграции сознание долга деятельно помогать населению России в его борьбе за освобождение. Эта борьба, непрерывная, но часто выливающаяся в формы, значение которых лица, мало знакомые с советской действительностью, склонны преуменьшать, требует систематического освещения жизни подсоветского населения. Располагая широкими возможностями в этом отношении, редакция «Вестника Крестьянской России» уделяет значительное место в журнале фактическим сообщениям, получаемым из России от сотрудников Трудовой Крестьянской Партии, постоянно в ней живущих и посылаемых туда со специальными поручениями, а также от лиц, недавно покинувших Родину.

Политическим направлением «Вестника Крестьянской России» является борьба за свободную, национальную, правовую и демократическую Россию, не имеющей иных путей, кроме низвержения коммунистической власти силами самого населения России.

Начиная с ноября 1931 года, «Вестник Крестьянской России» выходит в расширенном, по характеру содержания и числу страниц, виде регулярно в конце каждого месяца.

В программу «Вестника» входят:

1. Статьи по вопросам духовной, политической и экономической жизни России и борьбы за ее освобождение;
2. Широкая информация о России, получаемая из ее пределов;
3. Рассказы, очерки и воспоминания о действительной жизни подсоветской России лиц, непосредственно с этой жизнью знакомых;
4. Систематический обзор за месяц событий международной жизни, главным образом, связанных с судьбой России;
5. Обзор политической жизни эмиграции;
6. Сообщения о деятельности Трудовой Крестьянской Партии в России и в эмиграции.

Подписная плата с пересылкой:

	На 1 год	6 мес.	3 мес.	отд. №		На 1 год	6 мес.	3 мес.	отд. №
В Чехословакии (кр. ч.)	35.—	18.—	9.—	3.—	Во Франции (фр. фр.)	30.—	15.—		2 50
В С. А. С. Ш. (ам. долл.)	1.20			0.12	В Польше (заот.)	8.—	4.—		0.75
В Германии (герм. марк.)	4.80	2.40	1.20	0.45	В Финляндии (ф. марк.)	50.—	30.—		6.—
В Югославии (динар)	36.—	18.—	10.—	4.—	В Латвии (лата)	4.—	2.50		0.45
В Болгарии (лева)	100.—	50.—		10.—	В Эстонии (эст. кр.)	3.—	1.75		0.30

В остальных странах действительна цена в амер. долл. в переводе на местную валюту.

Подписную плату направлять по адресу редакции:

Redakce »KRESTJANSKAJA ROSSIJA«, Praha II., Krakovská ul. č. 8. Tchécoslovaquie.

Sergěj Maslov, текущий счет 6. 76.630, или на адреса представителей:

- В Чехословакии:**
 Mukačovo: «Naša Rodnaja Reč».
 Příbram: N. Mačulin, Příbram II., č. 265
 Užhorod: B. Sedakov, «Oborot», Koriatovičovo nám. č. 31.
- Во Франции:** V. Kouzine, 33, rue de Cronstadt, Paris XV.
 Paris C. c. 718.09.
- В Югославии:** Nikola Jakovenko, Beograd, Mihaila Stanojevića ul. br. 6, Почт. тек. счет: бр. 54.740.
 V. D. Sevcuk, Subotica, Valjevska 18, Yougoslavie.
- В Соединенных Штатах Америки:** N. Samburoff,
 556 W 191 Street, New York-City, U. S. A.
- В Германии:** W. Tatarinow, Berlin W 15, Konstanzerstr. 2, Gh. и в Русском книжном магазине
 Berlin W 50, Passauerstrasse 2.
- В Латвии:** B. Evlanov, Riga Kurmanova cel. 22, Lettonie.
- В Эстонии:** P. Bogdanov, Tallinn, Kreuzvaldi tän m. 13, k. 16, Esthonie.
- В Финляндии:** Helsingfors: J. A. Grigorkoff, Skarpskytteg 13, B. 6.
- В Польше:** Al. Wakar, Warszawa, Mokotowska 57, m. 61.
- В Китае:** Morev, Harbin, Novy Gorod, Post box 125, China.
 N. Malinovsky, Shanghai, 118 Route Vallon Apt. 17, China.
- В Турции:** Magazin de Musique I. Djigitte, Pera, Rue Suède No 7, Stamboul.
- В Румынии:** Ing. Puha'schy Dumitru, Str. Pantelimon 39/47, Ploesti.
- В Болгарии:** V. Tchernochevitch, Ekzarkh Josiph, 38, Sofia.

Для успешной массовой борьбы с коммунистической властью нужно живое, свободное слово, вызывающее волю к борьбе, указывающее ее цели и способы.

Понимте, что, покупая или выписывая «Вестник», Вы этим оплачиваете второй экземпляр его, который посылается в Россию.

Помогайте распространению «Вестника Крестьянской России»! -- Выпишите его сами и рекомендуйте выписать вашим друзьям!

ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬ
НОГО КО
МИТЕТА —

ВЕСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ТРУДОВОЙ
КРЕСТЬЯН
СКОЙ ПАР
ТИИ. —

СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо хлеба — пули.

Борьба колхозников.

М. Личаченко. Революционная законность.

П. Богданов. Ограбленная деревня.

Г. Назимов. Россия и крестьянство.

Международное положение.

1. Вл. Татаринов. а) Конец репараций.
б) Конференция по разоружению.
в) Восточная Европа.

2. В. Бузштаб. Германия на распутье.

Фельетон. В. Н. Челушев. Беседы о «Крест. Рос-
сии» III. Монархия или республика?**Из России.**А. Омелянов. Письма в Красную армию.
Трилиц. Советская действительность.

Сводка сообщений агентства «Крестросс».

Юбилей К. Р. Кочаровского.

На обложке:

Корреспонденция из России: Магнитогорск.

Вместо хлеба — пули.

«Успехи» на колхозном фронте (как торжествующе писали советские газеты во время проведения кампании по коллективизации), теперь сменяются «боями» на том-же фронте. Пришло время уборки урожая. И вот столь жданный урожай приходится охранять от крестьян, которые склонны его рассматривать, как свою индивидуальную, а вовсе не «коллективную» собственность, сдаваемую государству в порядке обязанности по принудительным ценам. Да, крестьяне всячески «саботируют» предписания власти, всячески «отлынивают» от работы по коллективной уборке. Вот что рассказывает партизано-командировочный, рассказ которого мы ниже проводим, который едва живым убрался из колхоза, об отношении крестьян к обязательной работе: «Уборку урожая колхозники проводят явно саботажным порядком, заботясь только о том, чтобы убрать хлеб исключительно для себя... Предписания и директивы по сельскому фронту совершенно не признаются». В результате хлеб лежит на полях не убранный и гибнет. И тогда, при явной неспособности государства обеспечить уборку хлеба, крестьяне приступают к его ин-

дивидуальному распределению. Просто — разбирают его по избам и мелют его на «ручных мельницах». Все это советскими газетами именуется не иначе, как саботажем, вредительством и грабежом колхозного достояния. В крестьянском-же правосознании — грабеж — это разорение их единоличных хозяйств, а воровство — отнятие урожая на их полях. Крестьянство борется всеми ему доступными средствами с властью, насильственно загнавшей его в колхозы и грабительски обобравшей его и собирающей каждодневно. Да, идет «борьба на колхозном фронте». В этой борьбе большевикам приходится не легко. Крестьянство уже сдержало одну значительную победу: оно вывело из боя ближайшие коммунистические силы. Местные партийцы и комсомольцы не рискуют активно выступать против крестьянства. Им приходится или стать на сторону крестьян, или молча наблюдать, как крестьяне проводят свою «самозащиту». «Почти все сельские партийцы — вредители, саботажники и открытые наши враги, а комсомольцы — сплэш бандиты и хулиганы. Если же и есть исключения, то для своей безопасности они должны молчать, как запуганные,

или идти за большинством» — вот наблюдение над партийцами того коммуниста из центра. При таком положении приходится брать на себя борьбу центральной власти. И она уже в этот бой вступила. Раздаются призывы об охране урожая кордонами из красноармейцев, предлагается сплошной военной цепью окружить поля, чтобы спасти урожай от «расхищения». Отсюда уже недалеко и до принудительной уборки под наблюдением военной силы. Чем не картина «колхозного энтузиазма»! Но всего этого видно мало. На помощь призвана советская юстиция, которая всегда располагает самым действительным средством воздействия: смертной казнью. Уже в спешном порядке *издан декрет о применении смертной казни за «хищение хлеба с полей»*, что приравнивается к контр-революционному преступлению. Смертные приговоры должны выноситься не только самим похитителям, но и крестьянам, подстрекающим к расхищению урожая. За «саботаж» и агитацию к выступлению из колхозов грозит 5—10 лет принудительных работ в концентрационных лагерях. К прежним жертвам «на колхозном фронте» прибавятся еще новые. Крестьянин, обреченный властью на голод, ограбленный и разоренный до тла, теперь получает от заботливой власти вместо принадлежащего ему хлеба — пулю. Колхозная идиллия, о которой столько было написано во время сева прекрасных слов, кончается жестокой расправой с крестьянством во время уборки. Эта жестокая правда могла

бы открыты глаза всем тем, кто с таким наивным легкомыслием готовы были уверовать в успехи коллективизации и видеть в колхозах чуть-ли не новую страницу русской истории. Может быть и для иностранцев русский хлеб, обильно орошенный уже не потом, а кровью, покажется не столь уже заманчивым! Да, на колхозном фронте идет жестокая борьба, в которую власть бросила все свои силы, вплоть до крыленковской юстиции. Выйдет-ли она и на этот раз победительницей? Уже не раз она торжествовала победу, уже не раз ей казалось, что крестьянство в своей борьбе разбито, что его сопротивляемость окончательно сломлена. Но так только казалось! Каждый раз крестьянство, временно отступив, отвечало новой маневренной борьбой на самых неожиданных для власти позициях. Такой неожиданностью явилось и последнее выступление крестьянства с его уборочной тактикой. И опять внешне, может быть, большевикам удастся расстрелами и террором спасти остатки урожая, но борьба на этом не будет кончена. Враг снова появится в неожиданном месте и в самое трудное для большевиков время. Большевики в предвидении этого уже пытаются идти на уступки, но и этими уступками ничего достичь уже нельзя. В этой жестокой борьбе, требующей от крестьянства огромных жертв, оно выйдет победителем. Сомнения в этом быть не может. Весь вопрос в сроках, но не в самом итоге этой борьбы.

Борьба колхозников.

(Рассказ партийца — командированного).

Один из командированных партийцев, направленный для проведения уборочной кампании в колхоз, возвратился через несколько дней в Бердянск раненый в голову и рассказал о настроении и отношении к нему колхозников.

«Встретили меня в колхозе «Наш Перекоп», как волка. Председатель колхоза — партиец — с непонятной мне настойчивостью требовал, чтобы я поместился у него на квартире. *В колхозе, как и вообще в деревнях, настоящий голод: нет хлеба, моло-*

ка, яиц; птица поедена еще весной. Во всем колхозе, состоящем из 134 хозяйств, имеется только пять коров.

На третий день после моего приезда в колхоз вызвали меня в степь на починку жатки. Не успел у разобрать ее, чтобы чинить, как на меня сзади накинули дерюгу и принялись бить чем попало. Кто-то схватил гаечный ключ и проломил мне голову. Спас меня от смерти председатель колхоза, который случайно пришел в поле. Увидев его, нападавшие бросили меня и скры-

лись. Очнулся я в сельском медпункте после перевязки, а на другой день, собрав последние силы, ночью ушел на железнодорожную станцию. Милиционер мне посоветовал: «Вы, товарищ, проситесь об отправке в город, сказал он мне, — а то и тут вас найдут и прикончат — за всеми ведь не углядишь».

Ненависть к рабочим, а особенно к партийцам, такая, какая раньше была к конокрадам. Уборка урожая колхозники проводят явно саботажным порядком, заботясь только о том, чтобы собрать хлеб исключительно для себя. Выезжают в поле в 7 час. утра, с 10 до 3-х прерывают работу по слу-

чаю жары, а в 5 час. вновь отдыхают и заканчивают работу в 7 час. вечера. В совхозах-же работают до 8½ час. вечера. *Предписания и директивы по сельскому фронту совершенно не признаются. Почти все сельские партийцы — вредители, саботажники и открытые наши враги, а комсомольцы — сплошь бандиты и хулиганы. Если же и есть исключения, то для своей безопасности они должны молчать, как запуганные, или идти за большинством. При настоящем враждебном отношении крестьянства к партии и рабочим, уборка урожая несомненно будет сорвана борящейся с нами деревней».*

Революционная законность.

Революционная законность является сейчас самой модной темой советской печати. Советом Народных Комиссаров Союза ССР издано 25 июня с. г. постановление, в котором предлагается правительствам союзных и автономных республик, органам прокуратуры и крайвым (областным) исполкомам привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся. В постановлении перечислены случаи таких нарушений. Сюда входят: наложение штрафов райисполкомами и сельсоветами в связи с проводимыми сельско-хоз. кампаниями, наложение твердых заданий и раскулачивание, нарушение выборности правлений и других органов колхозов, произвольное распоряжение их имуществом, их денежными средствами, отведенной в их пользование землей и применение недопустимых приемов командования. Кроме того по партийной линии дан приказ: обеспечить суду и прокуратуре всяческую помощь в укреплении революционной законности и последовательно проводить в жизнь указания партии *о строгой ответственности коммунистов* за малейшую попытку нарушения законов.

В связи с этим постановлением на страницах советских газет ежедневно начали печататься жалобы крестьян, рабочих и специалистов на притеснения местных властей. Они рисуют картину полного бесправия населения и неограниченного самоуправства коммунистических самодуров. Колхозный журнал «Красная Деревня» (июльский номер) сообщает, как на бедняка Краморова (Рудненский район), собравшего всего лишь три пуда хлеба, было наложено твердое задание — сдать 48 пудов хлеба. На протесты Краморова

председатель сельсовета Кулаков заявил: «Запишись в колхоз, ни одного фунта не возьму». Не помогла и жалоба райпрокурору Жукову, который дал тот же совет: «Запишись в колхоз, всё с тебя снимем».

В «Правде» от 2-го августа помещена жалоба некоего Н. Николаева на действия Гигинского райисполкома Нижегородского края, который дал сельсоветам задание выявить как можно больше кулацко-зажиточных хозяйств. После такой директивы по некоторым сельсоветам района кулаков оказалось 30 проц. к общему числу хозяйств. Всем зачисленным в «кулаки» потом были даны твердые задания по всем видам заготовок. Николаев далее рассказывает о том, что «руководителям терхановского сельсовета ничего не стоит ворваться ночью в дом любого гражданина и отобрать без всяких расписок всё, что благо рассудится: лошадь, масло, яйца, шерсть и т. д. Колхозники не выступают открыто против этих издевательств, а шепчутся по углам».

Не легче и рабочим. «Ленингр. Правда» от 28 июля помещает жалобу работницы фабрики «Промодежда» в Старой Руссе, Кудрявцевой. В помещении магазина Центроспирта стал проваливаться пол. Работники Старорусского горсовета не придумали ничего лучше, как выселить работницу Кудрявцеву, чтобы ее квартиру занять под магазин. На просьбу Кудрявцевой не выгонять ее из квартиры, милицейский грозно крикнул: «Не разговаривать». — «Мы вас вышвернем, как собаку», подтвердил присутствующий представитель Центроспирта, Дмитриев.

«Черноморская Коммуна» 12 июля печатает жалобу группы рабочих государственной обувной фабрики в Одессе, кото-

рые в прошлом году внесли Одесскому рабочему кооперативу аванс на трикотажа, но до сих пор не получили ни трикотажа, ни внесенных денег. Работник кооператива тов. Борисов им прямо заявил: «Вымагаты у нас тепер грошей, або товару, на який Вы дали ці гроші, е контрреволюция!» В том же номере «Черноморской Коммуны» помещена жалоба инженера Янковского из Донбасса. Тяжело заболевший туберкулезом инженер Янковский послал своей матери в село Марково, Доброволичковского района 50 руб. с порсыбой приехать к нему для сопровождения его в санаторию. Матери Янковского на почте денег не выдали, а передали их в сберегательную кассу. Не выдала ей денег и сберегательная касса. На мольбы бедной матери работники кассы давали один и тот-же ответ: «Вербуем новых членов». Но опричники Сталина издеваются не только над рабочими и крестьянами. В своем районе они властвуют, как царьки и если в своем владычестве чем-либо руководствуются, то только одним правилом: «Нраву моему не препятстуй».

Никакой чин, никакое положение не может спасти от произвола коммунистов. В г. Лубнах директор завода «Коммунар» отказался, по требованию начальника милиции, дать подводу. Тогда начальник милиции отдал краткий, но вразумительный приказ: «Забрать подводу и тех, кто ее не даст». («За Индустр.» от 9-го июля).

Революционная законность не новость. Родилась она десять лет тому назад в больном мозгу Ленина. Тогда, в связи с вынужденным резким поворотом сов. власти от военного коммунизма в сторону НЭПа, появилась опасность гибели «коммунистических завоеваний». Чтобы избежать этой опасности Ленин выдумал предохранительный клапан. Он ввел революционную законность, в основу которой положил кричащее беззаконие. Власть взяла под свою охрану одну часть населения, а другую объявила вне закона. И вне закона оказались как-раз все те, которые восстанавливали разрушенное большевиками хозяйство страны. Прилежный кустарь, оборотистый купец, хозяйственно крепнущий крестьянин подвергались гонению власти. На них большевики натравливали комитеты бедноты. Их преследовала Чека, а потом ГПУ. К ним относились с пристрастием судьбы, которым было приказано руководиться не своей совестью и не фактическим положением разбираемых дел, а происхождением подсудимых и «револю-

ционной целесообразностью». Поэтому под конец НЭПа все здоровые хозяйственные силы страны ушли от частного предпринимательства. Остались лишь матерые спекулянты, который свой риск и страх вознаграждали неимоверными барышами. Они, вместе с разложившимися коммунистами привели НЭП в тупик. Мера Ленина спасла большевиков, но она убила НЭП. НЭП сменила пятилетка. О революционной законности забыли.

Пятилетка во многом напоминает военный коммунизм. И не случайно. Сталин, подобно Ленину, после краха пятилетки вспомнил о революционной законности. Но при Ленине революционная законность острием своим была направлена против «классового врага». Сейчас же она направлена против самих коммунистов.

Что заставило его пойти на эту меру?

В этом году кончается или, как говорят коммунисты, завершается пятилетка.

В этом году Россия будет «считать свои раны, товарищей считать»... Все, кто остался в живых, будут подводить итог Сталинской затее.

Даже и подводит его незачем. Всем ясно: пятилетка кончается позорным крахом. Сельское хозяйство разорено в пух и прах. Страна голодает.

Ища новых путей, уходя от «генеральной линии», большевики натываются на сопротивление населения, которое ничему больше не верит, которое уже нельзя обмануть. Обнародованный ряд льгот сельскому населению никакого изменения в трудное положение страны не внес. Крестьянство не поймалось на удочку. Перед советской властью сейчас стоит неотложная потребность — *приобрести доверие крестьянства*. А для этого необходимо прежде всего перевоспитать власть на местах, устранить произвол, установить хоть какие-нибудь правовые нормы. И делать это необходимо в спешном порядке до наступления голодной зимы. Только учитывая необходимость этой спешки, можно понять тот панический призыв: «Вглубь деревни, в колхоз, в бригаду, к колхознику, колхознице! Помогать, объяснять, разъяснять!», которым заканчивает свою статью о новой политике в колхозах Г. Васильковский в «Правде».

Много обещавшая и ничего не давшая пятилетка вызвала небывалое негодование населения. Не только колхозники «шепчутся по углам». Шепчется вся голодная и измученная Россия. Власть, в лице Сталина и его приспешников, чувствует близя-

щуюся расправу. И в стремлении выиграть время, отдалить момент, когда придется отвечать за все преступления перед народом, она прячется теперь за спиною своих верных слуг, слепых исполнителей ее предписаний. *Снять с себя ответственность, переложить ее на другие плечи — вот главная причина и смысл последнего постановления о «революционной законности».* Не о законности печется советская власть, а о своем спасении. И никакой законности не может быть, пока у власти находится воплощение произвола и беззаконности — диктатор советский — Ста-

лин. Нельзя установить законности на местах, если беззаконие является существом большевицкой коммунистической власти. Пока в России будет власть коммунистов, не прекратятся жестокие преследования населения. Как собак, будут вышвыривать людей из убогих жилищ их, будут заставлять до упаду работать, будут грабить, мучить, убивать. Законность и право восстанут только тогда, когда будет устранен самый источник беззакония и произвола, когда будет свергнута советская власть.

Михаил Личаченко.

Ограбленная деревня.

При всяком удобном случае, из нужды, или в силу комчанства большевики твердят: в деревне много накоплений, мужик богатеет, сельское хозяйство развивается. В доказательство приводятся трафаретные данные о капитальных вложениях в сельское хозяйство за каждый истекший год пятилетки, или за все три года сразу. Кончатся такие утверждения гимном коллективизации. Она де обогатила деревню, заполнила крестьянский закром зерном, мужицкий карман деньгами, клети и сундуки — добром, желудок — вкусно и сытною пищей.

Действительность выглядит иначе. Оглянемся на факты. Они взяты за истекшие годы пятилетки. Первый из них: за 1930 год общее количество скота уменьшилось на 59 млн. голов. По категориям эти миллионы распадаются так: лошадиное стадо снизилось на 4 млн. голов. Рогатый скот уменьшился на 14 млн. голов, овцы — на 34 млн., свиньи — на 7 млн. Цифры взятые не из «белогвардейской печати», а из советского справочника «Народное хозяйство СССР», издания 1932 года. Немного арифметики и можно убедиться, что, на худой конец, эти миллионы голов скота стоили до 600 млн. золотых рублей. Не советских, а золотых!.. Но коллективизация продолжалась в прошлом и частью в нынешнем году. Какое количество скота уничтожено за прошлый год, советский справочник данных не дает. Думается, сотня миллионов и тут брошена во славу колхозного строительства. С прежними — 700 млн. золотых рублей. Это — не вложение в хозяйство, а изъятие, убытки. В мужицком кармане не прибавилось, но убывало. Жаль, что центральное управление народно-хозяйственного учета не удосужилось подсчитать стоимость уничтоженной птицы. Набежа-

ла бы еще кругленькая сумма. Таков — первый факт.

Дальше. По данным того же справочника в 1929 году было заготовлено 9,4 млн. тонн зерна; в 1930 году — 13,8 млн. тонн, в 1931 г. — 19,9 млн. тонн. Страница 353 справочника дает «директивные заготовительные цены», по которым рассчитывали мужика за взятый у него хлеб. Анализ этих цен приводит к заключению, что в среднем заготовители платили за пуд ржи 90 коп., пуд пшеницы — 1руб. 30 коп. — 1 руб. 40 коп., пуд ячменя — 93 коп., пуд овса — 75 коп. Т. е., примерно, столько же, сколько платили до войны. Тут надо стговориться, у нас нет данных, доказывающих, что местная власть названные цены не снижала. Имеются другие, говорящие о понижении «директивных цен». Получается следующее: заготовки 1929 г. обошлись власти в 560 млн.. Речь идет только об уплате за зерно. В 1930 году — 860 млн. руб. В прошлом — 1.400 млн. рублей. Трудно установить разницу между золотым и советским рублем. Если для ориентировки взять цены на продукты, выдаваемые по карточкам, то стоимость советского рубля упала в 3—4 раза. Цены теперешних колхозных базаров позволяют считать советский рубль за 7—10 золотых копеек. При самом осторожном подходе, цена советскому рублю годов коллективизации не больше 20 золотых коп. Значит, за три года из сельского хозяйства выкачали только при заготовке зерна 2,3 милр. золотых рубл. А заготовке льна, льняного семени, конопля, свеклы, табака, хлопка?.. Не идут в счет заготовки мяса, масла, яиц, шкур и пр. сырья. За одно только зерно недоплачено два с третью миллр. золотом, — таков второй факт изъятия.

Остановимся еще на одном. Пятого ию-

ля текущего года центральный комитет партии и совнарком СССР приняли постановление «об уборочной кампании 1932 года». Во главу угла кампании предлагается поставить борьбу с потерями при уборке хлеба. Оказывается, по данным «Комс. Прав» 12. 7., потери при уборке зерновых хлебов в 1929 году равнялись 177 милн. центнерам или 1.100 милн. пудам. По словам передовика той же «Ком. Прав.» 8. 7., в 1930 году потери при уборке — 200 милн. центнеров, в прошлом году — 1.400 милн. пудов. Переведите на золото, получится: *за три года коллективизации, благодаря усовершенствованным «социалистическим» способам хозяйствования утеряно 3,7 милр. золотых рублей.* Скажут, что потери были и раньше. Да, были, но они никогда не достигали таких сумасшедших размеров, как имеет место сейчас: от 23 до 30% урожая. Во-вторых, характер потерь был совершенно иной: не поступившее в закром зерно шло в корм скоту, птице, а не гнило на поле, не снятым, не рассыпалось по дорогам при перевозках.

Почти семь миллиардов золотых рублей потеряны за истекшие три года коллективизации, только в области животноводства и зернового хозяйства. Подсчет грубый, далеко не полный и явно уменьшенный. Результаты — чудовищны! Сказками о вложениях их не замажешь и, тем более, вложениями не заполнишь. В самом деле, по данным всё того-же спра-

вочника за 1929 и 30 годы, капитальные вложения в сельское хозяйство равнялись 4,2 милр. советских рублей. В 1931 году по смете предполагалось вложить в сельское хозяйство — 2,3 милр. Таким образом, за три года коллективизации вложено в сельское хозяйство — 6,5 милр. советских рублей. Если только вложено, это — раз. Во-вторых, вложения компенсировали-бы потери только при условии разумности вложения.

В декабре истекшего года, Молотов на сессии ЦИК-а громогласно заявил: «Нет надобности доказывать, что в деревне рост материального благосостояния трудящихся крестьян идет теперь невиданным темпом»... Стоит сравнить семь милр. золотых руб. потерь за три года коллективизации с вложениями, чтобы понять всю ложь советских сановников. Эти цифры говорят не о «росте благосостояния», а о степени обнищания деревни. Не богатеет деревня, а «невиданными темпами» идет по пути обнищания. Указывают названные цифры и на виновника этого обнищания. «Рабоче-крестьянская» власть беспощадно, с необычайной настойчивостью и регулярностью занимается ограблением деревни. Мужика грабят среди бела дня, в порядке декретном и без всякого порядка. Громкие фразы о богатящей деревне — басни для дурачков, очковтирательство. Советская деревня — ограбленная властью деревня.

Петр Богданов.

Россия и крестьянство.

Громадный рост политической значимости крестьянства за революционные годы так очевиден, что он начинает усваиваться даже столь закрытыми для крестьянских настроений группировками, как заграничные меньшевики (см. последние статьи П. Гарви в «Социал. Вестнике» на темы о государственном капитализме). Не умокли еще, правда, голоса, порицающие грядущее использование крестьянской стихии силами черной реакции, но нет и в них былого пафоса и убедительности. «Черные» силы на фронте антибольшевицкой борьбы так таки и не появляются, как ни хочется их увидеть танцующим от марксистской печки доктринерам. Не появляются они и в будущем. «Рождение из ничего» — чудо в политике, не меньше, чем в биологии, и марксистским кассандрам можно только лишний раз посоветовать держаться поближе действительности.

Что же внесет крестьянская рука в строительство новой России? И по этому вопросу не изжиты еще до конца закоренелые предрассудки и фантастические страхи. Многим всё еще, повидимому, рисуется приход к власти крестьянства каким-то новым историческим «срывом», выдвижением на поверхность стихийных и подсознательных элементов русской жизни, годами большевизма приученных ненавидеть город и цивилизацию; они окончательно похоронят гражданственно-политические завоевания Февраля, сметут зачатки социального законодательства большевицкого периода и на долгие годы погрузят Россию во мрак узкой, себялюбивой, духовно, экономически и политически реакционной власти.

На страницах «Вестника Кр. Рос.» уделялось не мало места опровержению этих вульгарных и унижительных для русского национального сознания взглядов. Ука-

жем с своей стороны, что изучение крестьянской борьбы большевизмского периода многomu может научить самых заядлых из среды крестьянофобов. История этой борьбы, в которой дело шло о самом существовании крестьянского класса, в пылу которой крестьянство имело подчас серьезные счеты и в адрес «города» в целом и по отношению к пролетарскому его слою, в частности, — не дает ни единого известного нам факта насилия крестьянских масс над городским населением, как ни анархичны порой были внешние условия. Не было и попыток организованного движения против «города», так характерных хотя-бы для Болгарии или современной Финляндии. Русское крестьянство всегда тщательно изолировало объект своей враждебности, оно неизменно боролось с неудобным ему режимом (не только, как известно, большевизмом) и ни разу после своей победы над помещиком не действовало под лозунгом «класс на класс». Крестьянство вело борьбу, подчас может быть и бессознательно, в гораздо большей степени политическую, чем классово-социальную, поддерживая этим изоляцию комвласти, которая вместе с необходимостью «перманентного маневра» предрекает судьбу большевизма. *Крестьянство оказалось единственной силой, способной сгруппировать вокруг себя элементы сопротивления и борьбы.* Этим оно обязано своим государственным качествам: воле к власти, уверенности в своих силах, классовой терпимости — в соединении с численностью и хозяйственной мощью. В этом отношении любопытно сравнить полный недоверия прием, оказанный десять лет тому назад «Крестьянской России», политической группировке, впервые заговорившей о «восходящей силе», с тем положением, которое сейчас занимает ТКП в среде антибольшевицких организаций. Мы, может быть, получим таким путем представление о всей глубине произведенной за эти годы русским крестьянством во имя *русских* интересов работе.

Если наше время с полным основанием принято называть эпохой кризиса демократически-правовой государственности, то не менее очевидно и другое. *Нет общественного слоя, который бы так был заинтересован в сохранении демократии, как крестьянство,* в особенности же крестьянство русское, составляющее две трети русского народа. Демократический строй даст немедленное удовлетворение двум его громко заявленным за годы борьбы требо-

ваниям: права на свой хлеб, права на власть в своей стране. Но что гораздо важнее, он закрепит за крестьянством эти права на необозримое будущее, *он создаст необходимую для земледельца, как воздух, устойчивость государственного строя,* выключит из государственной системы те приемы «маневрирования», которыми всякая власть, диктующая свою волю, но не чувствующая за собой права, удерживается у кормила правления. Опыт крестьянской политики большевиков представляет яркий пример такого маневрирования, и уже пройденный путь советской власти в ее борьбе с крестьянством может быть весьма поучителен и для всякой иной государственной власти в России, которая попытается строить свою социальную базу вне крестьянства. Поэтому не бесполезно напомнить здесь отдельные периоды советского «маневренного» боя с русским крестьянством.

Посулом мира и земли пришли и удержались в 1918—20 гг. большевики у власти. Крестьянские восстания обманутой и голодной деревни 1921 г. положили предел экспериментам «военного» коммунизма, вынудив «новую экономическую политику». Прошел ряд лет под лозунгом «обогащайтесь», но с момента, когда поставленные нэпу задания — расслоение крестьянской массы стало превалировать, и владелец хлеба — крестьянин стал делать «политические выводы» в адрес власти, решена была судьба нэпа. Начались лихорадочные поиски новых наступательных путей (троцкизм, левая оппозиция), вылившиеся, в конце концов, в официальную «генеральную линию», пятилетку и ее плод — массовую коллективизацию. Ударная, временная формула «пятилетки» особенно характерна. Власть как-бы убедилась в полной невозможности достичь окончательной победы над крестьянством, хотя-бы и в «генеральном» бою и, готовясь к натиску, оставляла себе лазейки для очередного зигзага по минованию ударных лет. Жизнь заставила большевиков проделать целый ряд зигзагов правда, мелких, еще значительно раньше поставленного срока. Сейчас наступает (а частично уже наступил) момент более крутого излома советской политики, обусловленный растущей неподатливостью колхозов и всеобщим голодом.

Сделанный обзор дает основание к некоторым выводам. *Крестьянство нельзя засорозить хозяйственными посулами,*

оттесняя одновременно от политического влияния. Оно непреодолимо стремится к власти, «вростая» в низовой аппарат управления, упорно отказывая в своем доверии образованным без его участия органам высшим. Оно прекрасно учитывает свои силы и приучается искусно пользоваться главной из них — хлебом для страны. Государственная система, не опирающаяся на крестьянство, не может быть ни устойчивой, ни продолжительной, она будет тем же «маневрированием» на подобие большевиков, обреченной с первого же дня системой противоречивых зигзагов, цель которых — спасение власти, а отнюдь не благо страны.

Россия после большевиков будет больше всего нуждаться в твердой и устойчивой власти. Эту устойчивость может гарантировать только власть, опирающаяся на крестьянство, т. е. по самому существу своему власть крестьянская. *Интересы России и крестьянства здесь совпадают.* И все опасения, что приход крестьянства к власти знаменует повторение уже пройденного губительного опыта классовой диктатуры, являются больше плодом напуганного воображения или полемическим приемом, чем продуманным анализом подлинных интересов крестьянства.

Г. Назимов.

Международное положение.

1. Конец репараций.

Июль 1932 года войдет в историю, как месяц, ознаменовавшийся формальной ликвидацией репарационного вопроса, тяжелой тучей нависшего над послевоенной Европой. Проиграв войну, Германия потеряла не только обширные территории, не только была ограничена в вооружениях, но и была вынуждена дать обещание заплатить победителям огромные суммы прежде всего за восстановление разрушенных германскими войсками богатейших промышленных областей Сев. Франции, а затем — по специальному настоянию Англии — на оплату пенсий инвалидам и семьям погибших солдат союзных армий. Нет ничего удивительного, что в пылу победной горячки репарационный долг Германии был определен в астрономической сумме в 400 миллиардов золотых марок. Вскоре репарационная комиссия понизила эту цифру до 136 миллиардов, но и она оказалась черезчур грандиозной. Мировой экономический кризис задел Германию больше других стран, так как гигантское и ничем не оправдываемое преобразование германской промышленности поглотило такие суммы, что Германия очутилась на краю банкротства. Французы не без основания обвиняют немцев что те сознательно не хотели платить и предпочитали тратить деньги, к тому же занятые за границей, на что угодно, но только не на платежи.

Все уступки союзников — по плану Дауса, репарационные платежи были понижены до 44 миллиардов, а по плану Йонга до 36 — ни к чему не привели. Германия не только отказалась платить по репарациям, но и пригрозила, что пе-

рестанет платить по частным займам, заключенным в Англии и Америке. Только что закончившаяся Лозанская Конференция определила поэтому репарационный долг всего в размере трех миллиардов марок, сумме действительно незначительной по сравнению с первоначальными расчетами. Но это постановление пока является условным.

Дело в том, что Франция и Англия хотят получить с Германии ровно столько, сколько они сами должны Соединенным Штатам по займам, заключенным во время войны. Если Америка согласится эти долги аннулировать, то и державы-кредиторы готовы удовлетвориться суммой в 3 миллиарда. Но Америка пока и слышать не хочет об отказе от требования долгов — в ней предстоит президентские выборы, и ни одна из борющихся партий не хочет брать на себя ответственности за проведение такой непопулярной в глазах американцев меры.

Германия энергично сопротивлялась установлению связи между репарациями и военными долгами союзников, но последние заключили сепаратное соглашение, обязавшись не ратифицировать лозанского договора до тех пор, пока Америка не откажется от взыскания долгов. Таким образом, по существу вопрос еще далек от окончательного разрешения. Пока что Германия платить ничего не должна, и это уже большое достижение для немцев, хотя благополучное разрешение репарационного вопроса пока еще германского кризиса не ослабило.

Немцы пытались взамен 3 миллиардов получить ряд политических уступок — равноправие в вооружениях, освобожде-

ние от «ответственности за войну» и пересмотр восточных границ, но все эти требования были отвергнуты. Между Францией и Англией на конференции было восстановлено то «сердечное согласие», которое в свое время привело к созданию Антанты. Изолированными оказались Германия и Италия, и это в значительной степени надо приписать наличию в этих государствах правительств, враждебных демократическому духу остальной Европы.

2. Конференция по ограничению вооружений.

Менее благополучно закончилась другая международная конференция, заседавшая много месяцев в Женеве и занимавшаяся вопросом об ограничении вооружений. После многочисленных мучительных прений, переговоров и совещаний, конференция большинством 41 против 2 (Германия и СССР) при 8 воздержавшихся (Италия, Венгрия, Австрия, Болгария, Китай, Афганистан, Албания) приняла резолюцию чехословацкого министра индустрии Бенеша. Смысл этой резолюции сводится к тому, что державы согласились отказаться от газовой и бактериологической войны (точно такое же постановление было принято еще в 1907 году, что несколько не помешало Германии в 1915 году применять газы), далее постановили — но только принципиально — ограничить тяжелую артиллерию и танки, затем решили запретить воздушную бомбардировку населенных мест. Последнее требование является крайне неопределенным и весьма сомнительно, чтобы оно могло действительно применяться во время войны. Кроме того, Франция заявила, что она соглашается на эту меру лишь при условии установления международного контроля над гражданской авиацией, против чего энергично возражала Германия.

Конференция еще не закончена и осенью должна возобновить свои работы, быть может тогда обстановка будет более благоприятной. Вопреки демагогическим утверждениям Литвинова, все державы, великие и малые, искренно хотят сократить тяжелое бремя вооружений, и не их вина, что в настоящее время, благодаря большевизму с одной стороны, воинствующему национализму — с другой, ослаблению демократического и либерального духа — с третьей, Европа стоит ближе к войне, чем к миру. Нет никаких сомнений, что если бы в России существовало демократическое правительство, заботив-

шееся о национальных интересах, а не о мировой революции, то проблема сокращения вооружений была бы разрешена куда скорее и легче.

3. Восточная Европа.

Турция, наконец, вступила в Лигу Наций. Долгое время турецкое правительство отказывалось примкнуть к Лиге Наций, в значительной степени под давлением советского правительства, которое, как известно, относится к международному парламенту с нескрываемой враждебностью и не перестает пытаться создать блок государств, не входящих в Лигу. Согласие Турции объясняется чисто финансовыми соображениями: Турция нуждается в иностранных займах, и ей было дано понять, что на займы она может рассчитывать только при условии вхождения в Лигу. Турецкое правительство пыталось получить постоянное место в Совете Лиги Наций, но в этом ей было отказано, и Турции ничего не оставалось, как согласиться. Правда, входя в Лигу, Турция заявила, что не принимает на себя обязательства участвовать в совместных вооруженных действиях Лиги против государства, которое нарушит мир. Такое заявление, несомненно, вытекает из секретного договора, существующего между Турцией и СССР.

Между СССР и Польшей подписан договор о ненападении, которому предшествовали переговоры, тянувшиеся несколько лет. Можно вообще скептически относиться к ценности подобных договоров, но в данном случае надо еще иметь в виду, что подписание не является окончательным. Договор будет ратифицирован Польшей только в том случае, если СССР заключит подобный же договор с военной союзницей Польши — Румынией. Советско-румынские же переговоры пока вперед не подвигаются, так как румыны требуют, чтобы Сов. правительство признало захват Румынией Бессарабии, на что Москва не соглашается.

На парламентских выборах в Румынии *крестьянская партия одержала огромную победу*, получив 300 депутатских мест из общего количества 383. На прошлых выборах, происходивших в атмосфере правительственного давления, партия провела всего 26 депутатов, — теперь власть снова переходит в руки крестьянской партии, представляющей интересы преобладающего класса населения.

Вл. Татаринов.

Германия на распутьи.

31-го июля состоялись выборы в новый германский Рейхстаг. Правительство фон-Папена надеялось, что новые выборы дадут ему правое большинство, без которого дальнейшее легальное существование «правительства баронов» становилось затруднительным.

Действительность обманула надежды: правые не получили абсолютного числа голосов; при самых широких подсчетах на их долю приходится всего 283 из общего числа 607 депутатских мест. Но и левые (коммунисты, соц.-демократы) получили всего лишь 226 мандатов.

Из 44½ миллионов избирателей приняло участие в выборах свыше 36½ мил. человек (84%). Из ниже приведенной таблички видно сравнительное число голосов, полученных главнейшими партиями на выборах 31. VII. и 14. IX. — 1930 г. (в скобках).

	Тысяч	Депутата
Национал-социалисты	13.733 (6.410)	230 (110)
Социал-демократы	7.951 (8.578)	133 (136)
Коммунисты	5.278 (4.592)	89 (78)
Центр	4.587 (4.128)	76 (69)
Германск. Нац. парт.	2.173 (2.458)	37 (42)
Баварск. Народн. п.	1.190 (1.059)	22 (19)
Герм. Народн. парт.	435 (1.578)	8 (27)
Госуд. Парт. (Дем.)	371 (1.322)	4 (16)

Результат выборов можно было до известной меры предсказать заранее. Неожиданностью явился лишь рост коммунистов, получивших три месяца тому назад на Прусских выборах всего лишь 12,3% всех поданных голосов, а сейчас собравших 14,3%. Увеличение это отно-

сится за счет известного числа «наци», разочаровавшихся в своих вождах после их сговора с правительством Папена-Шлейхера, и некоторых рабочих кругов, отошедших от социал-демократии после ее капитуляции перед военной силой при смещении 20. VII. прусского правительства Брауна-Северинга. Общее ухудшение материального положения масс, в связи с декретами правительства фон-Папена от 14. VI. (увеличение налогов и сокращение пособий безработным в среднем на 15%), явилось также действительным агитационным средством в пользу коммунистов.

Что касается до успехов национал-социалистов, то удвоение за два года с 18,3% до 37,3% числа поданных за них при выборах в Рейхстаг голосов было предопределено. Движение Гитлеровцев, однако, как-будто приостановилось в смысле дальнейшего роста, по крайней мере с апрельских выборов в Прусский Ландтаг число поданных за них голосов увеличилось всего лишь на 1% — с 36,3% до 37,3%.

Сохранение соц.-дем. своих позиций (21,6% при выборах 31. VII. против 21,2%, полученных ими 24. IV. в Пруссии), усиление обеих католических партий — Цантра и Баварской народной партии, а также почти полное уничтожение более мелких партий, как правых, так и левых, также не явилось неожиданностью.

В тот момент, как «наци», партия Гунгенберга и Германская народная партия вместе с более мелкими правыми группи-

Беседы о „Крестьянской России“.

III. Монархия или республика?¹⁾

— В прошлой нашей беседе вы, Петр Иванович, связывали вопрос политической организации крестьянского класса с вопросом демократии. По существу я всецело за демократию. Но зачем теперь же предопределять форму демократического государства, зачем настаивать на демократической республике? Ведь демократический режим совместим и с монархической формой правления. Разве в современной Англии, современной Бельгии не демократический режим? Значит, вопрос о форме правления имеет второстепенное значение. Его, может быть, не надо сейчас поднимать, а тем более решать. Если принцип демократии совместим с монархической формой правления, зачем тогда пренебрегать исторической, привычной формой правления, которая привычно же воспринимается, как символ государственного единства, как символ, олицетворяющий высший интерес целого, стоящий над интересами отдельных

частей его, отдельных классов и отдельных личностей? Наконец, нельзя забывать, что в русском народе монархия всегда связывалась с религиозными переживаниями, религиозно освящалась.

Молодой инженер умолк и пристально глядел на Петра Ивановича, сидевшего неподвижно.

— Вы меня слушаете? — спросил инженер.

— Внимательно. Продолжайте!

— Итак, по моему, вопрос о форме правления в данное время ставится преждевременно. Если же его ставить, то надо иметь в виду, что монархия, не исключая принципа демократии, имеет свои исторические преимущества.

— Вы кончили? — спросил Петр Иванович.

— Да. Мне хотелось бы слышать ваши соображения по этому вопросу.

— Я должен сказать прежде всего, что вы, как я понимаю, в конечном счете допускали возможность самоопределения в данном вопросе и высказались бы за монархию.

— Простите, я лично еще не высказываюсь ни за ту, ни за другую форму. Я привожу ходячие соображения, хочу слышать их критику. Непредрешенчество привлекает меня тем, что оно освобождает от необходимости немедленно разрешить для себя этот вопрос.

— Вы, стало быть, непредрешенец не по так-

¹⁾ Нач. см. «В. Кр. Р.» №№ 2 (33), 4 (35).

ровками, получили на 26 мандатов меньше абсолютного большинства (304 голоса), — вся политическая игра с новыми выборами обернулась против них. Создалось еще более запутанное положение, чем прежде: ни правая, ни левая в лице Веймарской коалиции, т. е. соц.-демократов, центра и государственной партии (демократов), получивших всего 213 мандатов, не имеет необходимого большинства для положительной работы и образования правительства. Вместе с тем при участии 89 коммунистических депутатов может быть свергнуто любое, чисто правое, или левое правительство. Кроме того, объединение в разрушительных целях 230 депутатов «наци» с 89 коммунистами (в прусском Ландтаге, где после апрельских выборов создалось аналогичное соотношение сил, такие совместные голосования уже имели место) — дает этим радикальным анти-конституционным партиям абсолютное большинство.

Таким образом, на почве парализованного парламента усилятся вновь исполнительная власть в лице президента и назначенного им правительства. В случае неработоспособности и несговорчивости Рейхстага, повидимому, намерены, при помощи декретов на основании § 48 Конституции, управлять страной. Всё говорит за то, что правительство фон-Папена и генерала Шлейхера, располагающее, как показали последние события в Прус-

сии, реальной силой в лице Рейхсвера, не собирается никому уступать власть, и менее всего Гитлеру. Национал-социалистам будет предложено войти в кабинет, но командных позиций Шлейхер им не уступит. Таким путем предполагается заставить Гитлера и его партию принять на себя перед массами ответственность за правительственные мероприятия, которые до сих пор за кулисами решались правительством фон-Папена по соглашению с национал-социалистами. Не исключено, при известных условиях, вхождение отдельных членов обеих католических партий в новое правительство. Жизнь требует выхода из тупика. Никакое правительство не в состоянии немедленно устранить те экономические предпосылки, которыми в конечном счете определяются политические затруднения германской действительности. Положение всякой правительственной власти сейчас крайне ответственно и неблагоприятно.

Положение соц.-демократов стало за последнее время под напором коммунистов и нац.-социалистов — невыносимым. Еще в марте, в беседе с одним из ответственных руководителей партии, я был поражен унынием и беспомощностью его ответов. В случае прихода к власти Гитлера — вся реакция на это социалистов должна была свестись к «уходу в оппозицию». На мой вопрос о возможности объявления всеобщей забастовки — мне бы-

тическим соображениям, а по существу. Разумеется, вы не одиночка. Есть люди действительно неготовые ответить себе на этот вопрос и в то же время честно решившие подчиниться той форме правления, которую установит народ. Это просто на просто воздерживающиеся в данное время от подачи своего голоса. О типичном непредрежденстве, непредрежденстве по тактическим соображениям, говорить не буду, а по поводу приводимых вами ходячих соображений позвольте высказаться.

К ходячим, между прочим, относится соображение о второстепенном значении формы правления. Едва ли это так. По моему, прав Аристотель, когда он утверждает, что в форме отражается живое формирующее начало. Форма оформляет, формулирует сущность, способствует ее выявлению и развитию, она же может связать ее, уродовать, даже убить. Значит, относиться к форме неуважительно не следует.

Дальше, вы говорите, что монархия — историческая, привычная для России форма правления. Какое же значение придаете вы термину «исторический»? Полагаете-ли, что история народа связывает его и делает для него как-бы обязательным, неподвижным, как идеологическую сторону его государственного строительства, так и форму последнего, или только форму?

— Я говорю только о форме. Разумеется, я не могу утверждать идеологическую связанность, так

как это противоречило бы фактам, удостоверенным самой историей. Я, ведь, знаю, что абсолютная монархия с ее идеологией переродилась в конституционную под влиянием смены идей.

— Совершенно верно. Рост личности, сознание личностью своей самоценности, стремление ее к свободе духовной, хозяйственной, с которыми абсолютизм был несовместим, все это привело к смене автократии, как идеи властвования, идей народовластия, демократии. А ведь автократия была исторической идеей властвования, абсолютизм — исторической формой правления, а сменились они исторической же идеей демократии и исторической формой конституционализма.

Итак, признаем, что история учит нас, как раз тому, то народы, действующие на ее арене, переживают смену идей и их воплощений в жизни, которые входят в историю, становятся историческими, но не приобретают поэтому характера неподвижности, неотменимости.

Может быть, ходячие суждения станут утверждать, что всё это верно для Европы, но неверно для России. Но говорить что-либо подобное на пятнадцатом году русской революции, согласитесь, язык не повернется. Как никак, а надо признать, что Россия стала аренной применения к жизни самых крайних социалистических идей Запада. Она оказалась, вопреки пророчествам Достоевского, не гарантированной своей самобытностью, своим православием от глубочайшей социально-

ло указано, что при наличности 6 миллионов безработных и пустых кассах — о забастовке думать не приходится.

Когда 20-го июля фон-Папен, объявив в Берлине и Бранденбурге осадное положение (при помощи военной силы сместил социал-демократов, возглавлявших прусское правительство, и берлинскую полицию, предъявив им недоказанное обвинение в попустительстве коммунистам), Брауну и Северингу, пришлось «подчиниться силе», подать жалобу в Имперский Суд и призвать своих единомышленников к воздержанию от всяких массовых выступлений и забастовок. Народу предложено было дать ответ на захват власти «баронами и генералами» — своим вотумом 31-го июля...

Исход голосования predeterminedил паралич народного представительства. Страна вновь разделилась на два численно почти равных лагеря, как это наблюдается с выборов 1924 года — на левых и правых — при почти неизменном центре в лице обеих католических партий.

Если при выборах в Рейхстаг в 1919 г. и 1920 за левых было подано 64% и 50,5%, тогда как за правых всего лишь 17,3% и 32%, то, с 1924 года, как видно из вышеприведенной таблички, соотношение сил сперва уравнилось, а затем, после временного успеха левых на выборах 1928 года, стало явно склоняться в пользу правых.

Социал-демократия, имевшая решаю-

щее влияние на направление обще-германской политики, лишилась своих командных позиций и обречена, должно быть, надолго удовольствоваться пассивной ролью многочисленной, но по существу бессильной оппозиции.

Коммунистическая партия, при малейших революционных выступлениях, будет объявлена вне закона.

Национал-социалисты, поскольку они пойдут на поводу у теперешних правителей Германии, будут использованы, как «народное движение», на которое правительство будет опираться, пока это будет удобно. Если, в сознании грозящего ей угасания и под напором своих боевых элементов, партия решилась-бы, по примеру Италии, силой захватить власть, то — при теперешнем соотношении сил — разгром ее неминуем.

Господами положения в Германии являются Гинденбург и Шлейхер, за которыми стоит традиция прошлого величия и реальная сила Рейхсвера.

На политической шахматной доске Германии главнейшие фигуры заняли сейчас новые позиции, которыми предопределяется на известное количество ходов вперед дальнейшая игра. Кем в конечном счете игра будет выиграна — предсказать сейчас трудно, ибо исход партии зависит не только от расстановки фигур, но и от промахов и ошибок игроков.

Берлин.

Виктор Бухштаб.

политической революции. Значит, ей свойственны и болезни роста и законы роста, законы эволюционного развития. Большевицкой революции из истории России не вычеркнешь: это исторический факт. Пусть скверная история, но история. Не дай Бог, чтобы эта скверная история затянулась еще надолго. Она не должна затянуться, ибо за это говорит история, исторический опыт. Вот в этом сочетании слов «исторический» имеет другое значение.

Исторический — здесь значит — указываемый историей, т. е. закономерный. Историческая закономерность — это соподчиненность сознательных и подсознательных факторов духовной жизни и факторов материальных данного народа законам исторического развития, не терпящим произвольного от них отклонения, жестоко карающим за подобное самовольство.

Если мы сейчас уверены в спасение России на основании данных исторического опыта народов, то позвольте считать этот опыт обязательным для нее во всех его главных и существенных выводах. Для России, как и для прочих государств, закономерно развитие ее общественной и государственной культуры.

Вы затем говорите, что желательны новые идеи и соответственно с этим новые задачи вметать в старые формы, что формы эти привычны и в то же время годны для воплощения новых идей, для разрешения новых задач.

Исторический опыт дает два отчета: 1) идея народовластия уживается с монархической формой правления и 2) она же создаст себе новые формы воплощения — республиканские.

Значит, к разрешению вопроса о форме воплощения надо подходить из того, что в этом отношении дано для России завтрашнего дня.

Теоретически, казалось бы, что монархия совместима с народовластием. Англия тому убедительный пример. Но тут-же следует оговориться, что, во-первых, если пример Англии убедителен, то всё-же он чрезвычайно оригинален и потому почти неповторим: там своеобразно складывалась история развития ее государственных форм. Во-вторых, что самое главное, с упрочением парламентаризма, с принятием формулы, гласящей, что «король царствует, а не управляет», Англия, по утверждению ее историков, есть республика с королем во главе. Эта формула, звучащая обывательскому уху, как нелепость, дана в жизни, и вся ее кажущаяся противоречивость исчезает, если слово «король» заменить определением — «наследственный президент». Стало быть, по существу, монархия преобразовалась в республику и притом парламентарную, а сохранилось неизменным только терминология. Термин живет, понятие, которому он соответствовал, потеряло свое прежнее содержание.

Справедливо заметят, что смысл понятия «монарх», «монархия» в Англии не совсем утерян.

Из России.

Письма в Красную армию.

В последнее время все чаще доходят к нам сведения о том, что Красная армия внушает большое беспокойство кремлевской верхушке. Мы знаем, как Ворошилов, опираясь на растущее среди красноармейцев недовольство, пытается оказать давление на Сталина в направлении отступления на колхозном фронте. Ворошилову, конечно, хорошо известны настроения красноармейцев, и он располагает достаточным числом фактов, чтобы заставить Сталина и его приспешников задуматься. Среди этих фактов играют немалую роль и *сводки из «деревенских писем»*, получаемых красноармейцами. В этих письмах ярко отражается положение крестьянства, загнанного в колхозы и доведенного до последней степени разорения. Легко себе представить, как эти письма отражаются на настроении красноармейцев, всем своим прошлым связанным с деревней. Прекратить связь армии с деревней невозможно, но ослабить ее стараются всячески. Тут и предварительный просмотр в целях сыска, тут и прямая утайка полученных писем, тут и система всяких хитроумных препятствий к установлению переписки, вплоть до учета материальной невозможности оплачивать письма. И с точки зрения политорганов Красной армии это вполне понятно. Тео-

ретически легко себе представить, какого характера письма приходит на имя красноармейца из деревни, от их отцов и матерей, братьев, жен и детей. Но вот случай дает нам возможность не только предполагать содержание этих писем, но и заглянуть в них. В редакцию «Вестника Крестьянской России» доставлена пачка писем, посланных красноармейцам от их родных из разных мест России. Мы из них приведем только выдержки, достаточно красочные, чтобы по ним себе представить общую картину переписки деревни с армией.

Они очень типичны по своей форме. Вот начало одного из них (штампель от 26 мая 1932 г.):

«Письмо от твоих родителей... и сестры Марфы. Во первых строках нашего письма спешим уведомить тебя, наш сын, что мы живы и здоровы, того и тебе желаем и посылаем тебе свое пажайшее почтение, с любовью по низкому поклопу и желаем тебе всего хорошего на белом свете»...

После этой устойчивой формулы, пережившей, очевидно, и революцию, следуют нарекания на бесконечные формальности и волокиту, связанные с получением пособий и продовольственных карточек. Понятно, что эти жалобы должны раздражающе действовать на красноармейцев.

«19 мая деньги на тебя не получили, потому что ты не оставил доверенности, а без нее не дают. Насчет карточек отец тоже ходил в город,

ибо при отсутствии власти у английского короля сохранился его авторитет, который ценен и для целостности Британской империи и для мирного течения ее внутренней жизни.

Да, это специфическая особенность Англии, выработанная многовековой традицией, историческими и национальными особенностями англичан.

Но вы, может быть скажете, что историей еще дана форма дуалистической монархии, монархии, ограниченной народным представительством, в руках которого сосредоточена законодательная власть и некоторая доля контроля над властью исполнительной.

И это, конечно, уже не монархия, не единовластие, а двоевластие, скажу я; опасное двоевластие, влекущее не только что пройденный Россией путь одиннадцатилетней борьбы монарха с народовластием, закончившийся не только гибелью династии, но и страшными испытаниями для нашей родины.

С династией умерла в России и идея монархии, та идея, которую хотели особенно укрепить два последних русских царя, не желавших подчиниться неизбежности поступательного развития государственных форм, не желавших сбросить только символизм и термины, а хотевших охранить, во что-бы-то ни стало, незыблемость существа, т. е. самодержавие.

Провозглашать незыблемость самодержавия, как власти Богом установленной, воскрешать тео-

кратическую теорию Иосифа Волоцкого, повторять устами Льва Тихомирова, что «царей и князей Бог в себе место посали на престоле своем, а потому царь убо естеством подобен всем человеком, властью же подобен Богу», — это значило не только идти назад к концепции Иоанна III, Иоанна IV, это значило насильвать религиозное сознание, давно уже пережившее и переросшее такое понимание власти. Вместо того, чтобы твердо и спокойно идти по пути реформ, указанному историей, по пути, на который вступила Россия при Александре II, и вести за собой народ и страну, последние два монарха вступили в борьбу с народом и страной. Победы их были временными, повлекшие за собой развенчание монархической идеи. 1905 год, казалось бы, мог вывести страну на торную дорожку, но и этого не случилось. На сотрудничество мирное с народом царь не пошел, а поставил своей задачей взять обратно вынужденные уступки, восстановить самодержавие. Самодержавие противопоставило себя народовластью, как силе враждебной, отказалось от примирения и мирной эволюции.

Религиозное сознание тех, в ком оно жило, а таких было не мало, уже не мирилось с пленением, в котором оказалась сама Церковь, и в которое она влекла верующих. Это было пленение живого духа веры мертвящей косностью обрядов, форм и формул, которыми церковь прикреплялась к монархии, становилась простым ее оружием

где находятся ваши списки, но отцу сказали, что на нетрудоспособных дадим — на тебя и на старуху, но только по 200 грам. У отца вытащили все документы. Справку ему выдали в Округе, в том, что такой-то находится там-то с такого-то времени, но семья не указана и больше ничего».

Жалобы на неаккуратную и неполную выдачу пособий повторяются и в других письмах. При острой нужде в деньгах, эти задержки в выдаче должны особенно тяжело отражаться на общих и без того тяжелых условиях жизни. Вот как отражается эта сторона жизни в другом письме:

«...Я ездил за деньгами. Получил за 2½ месяца две трети, т. е. 44 рубля, которые затратил на покупку для семьи. Ваньке купил костюм полусуконный за 22 рубля, Матрене купил полуботинки за 17 руб. и чулки за 2 руб., Лизе купил полуботинки за 17 руб., а тебе брат Савелий, выслать я не могу, в виду того, что ты сам знаешь — они у нас одеты плохо. В холодную погоду выйти не в чем...».

Особенно ярко отражается нужда в деньгах и общие условия жизни в следующем письме жены красноармейца к своему мужу. Письмо это настолько ярко, что привожу его полностью:

«Дорогой муженек... Сейчас мне плохо оттого, что нет денег ни копейки. Даже не на что выкупить письма, а тех 20 руб. не дают. Не знаю, отдадут или нет, а я уже должна людям 5 руб., 3 рубля в РИК, 2 руб. за письма. Ты писал, что красноармейские письма должны выдавать бесплатно, а с меня берут деньги.

...Когда пришла пешком из города, то сын не узнал меня. Потом он заболел и проболел 22 дня, чуть не умер. Уже надо сеять, а он болел... Потом сразу назначили меня стряпкой до трактора, а сына я в ясли отдала. Потом я 7 дней варила,

(инструменту регни). Одной из этих формул была богоустановленность самодержавно-монархической формы правления.

Ссылка на текст из ап. Павла «несть бо власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть» (Рим XIII) в доказательство богоустановленности монарха была не оправдана и об этой неоправданности говорил уже Иоанн Златоуст, разъясняя, что о власти, как о таковой, учил ап. Павел, о надобности и установленности ее в человеческом общежитии, а не о богоустановленности того или иного монарха.

Православная Церковь, отбывая от самостоятельности, связавшая свою судьбу с монархией, с падением последней впадала в испытания, но обесиленная, сумела на поместном Соборе 1917—18 г. г. санкционировать разрыв между православием и самодержавием, который фактически совершила революция.

В том, что я пытался вкратце изложить сейчас, заключается ответ на «ходячие» воображения. Ответ следующий: идея богоустановленности монархии — идея лжехристианская, целиком языческая, отжила себя, — практика подорвала ее авторитет, действовавший долго по инерции. Нет никаких оснований предполагать, что обесиленный идейно авторитет мог-бы ожить. Я глубоко уверен, что религиозная жизнь не угасла в России, но уверен также, что между ней и государственной жизнью связь в прежнем смысле не восста-

потом говорю: «я домой пойду», — говорят «хлеба не дадим». Я взяла, да и уехала. Взяла сына из яслей и понесла его на руках в Н. И мученья же я пережила! О тебе погадаю и заплачу. А почему другие не работают, а хлеб получают? Я получила 8 руб. денег, а муки не дают. Мирон милиционером служит. Их обучают два часа в день. Лука прислал письмо, что садили картошку и что он вернется назад. Од Сафрона получили письмо — он в колхозе. В степь уехали 23 апреля, а сеять 25 мая еще не кончили. 7 дней я пахала, 2 дня пасла, а сейчас на огороде работаю. А почему мне письма доплатные, у меня нет денег и не за что письма выкупить? Ты хлопочи, чтобы нам давали пособия, как другим. Тут на базаре все дешево: мука 1 пуд — 80 руб., рубашки — 8 руб. штука, брюки новые — 15 руб., поджаки новые — 25 р., шуба новая — 35 р., материя — 5 руб. метр, сапоги новые — 40 руб., белье — 15 р. пара. Купила три катушки ниток за 24 коп.».

Бросается в глаза в этом письме и другая сторона деревенского разгрома: разброшенность крестьянских семей. Часты указания на связь деревни и с рабочей средой, где живет тоже плохо. Так в одном из писем отец сообщает сыну, очевидно, о его брате:

«...Митрий писал, как в их жизни было: десять дней хлеба не выдали. Дают мяса на рабочего 800 грамм ежедневно и ¼ литра молока. Больше ничего не дают...».

Поразительна в этих письмах какая-то моральная устойчивость, взаимная забота и готовность помочь друг другу в тяжелых условиях жизни. Это лучший довод против весьма распространенного мнения о «зверинном» быте в России.

новится. Церкви известны слова ап. Петра: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад».

Итак, историческая привычная форма правления исчезла. В православных Церквях не попытается больше укреплять религиозное оправдание монархии, а подавно — самодержавия. Надо к тому же понимать, что государство Российское состоит не из одних православных. Нарушена, наконец, и легальная основа для русской варянской легитимизма, ибо династия формально откалалась от своей старой законности и передала народную волю право устроить государственность. Поэтому, я думаю, что монархии не дано возродиться в России, и говорить о ее преимуществах не приходится.

Да, люди любят символы и эмблемы. Государственное единство, высший его надличный, надклассовый интерес тоже требует и символа и эмблемы, и таковые даются жизнью в новых формах, в которых преобразуются старые символы. Президент Республики есть тоже символ единства, целого, но все-таки главная сила государственного единства не в символе, а в глубине сознания народа, в сознании гражданином своей ответственности за государство и перед государством.

Остается, значит, республиканская форма. Но какая? Разумеется не советская. Но об этом в другой раз.

В. Н. Челушев,

После яркого описания тяжелых условий жизни отец пишет сыну-красноармейцу:

«...Но пока живем ничего, миримся со всеми недостатками и входим в положение один другому...».

И дальше находим подтверждение этой взаимной заботливости в таких простых и невольно волнующих словах:

«Семена хочу устроить в штат, но неизвестно как дальше будет. Неизвестно или стрелочником или возьмут его дежурным на станции. Гавриил в коммуне, был у нас... У Акюши работы покамест нет. Ее сватал Илья, но я ей сказал по братски так, чтоб ей было не обидно и понятно, что пока хлеб есть — ешь, а не будет, то иди ко мне и у меня живи, пока еще хлеб будет, а для замужества ты еще молодая».

Та же картина нужды и голода в письмах к красноармейцам не из деревни, а из города. Здесь меняется стиль письма, но существо одно и то же. Вот выдержки из одного из таких писем, случайно оказавшегося среди пачки деревенских писем:

Советская действительность.

1. Колхозный НЭП.

Когда мы подъехали к Загорску (прежде Троицко-Сергиевский посад) уже светало.

Мы въехали на базарную площадь.

Тут уже толпились вокруг палаток люди и внешне всё обстояло благополучно.

Возы с огурцами, яйца на прилавках, белый хлеб, напоминали о временах, когда в России всего было вдоволь.

Но подойдя к прилавкам, невольно бросаются в глаза гемеопатические дозы продуктов.

Вот старушка, представитель одного из окрестных колхозов, высыпала на стол десяток яиц, фунтик масла, кружку меда, две курицы и всё.

Вместо нормального базарного богатства, ничем не скрытая бедность, подчеркнутая еще тем алчным восторгом, каким встречаются эти крохи покупателями.

Прицениваюсь — цены московские: 3 р. помидор, 80 коп. огурец, 25 руб. курица.

Но к ценам привыкли, домашние хозяйки торгуют по боевому, а потом чутьли не в ридикюли прячут микроскопические порции на обед.

Вместе с почтенным свободным колхозником, типичным русским мужиком, мы входим в чайную. Чайная отремонтирована, тут всё приготовлено для встречи до-

«Живем пока серединка на половинке. Ты пишешь, что там плохо, но и здесь на счет поесть совершенно нет. На базаре много, но очень дорого, а в столовых варят одну воду да помидоры. Папа устроился работать в столовой. В твоей конторе папа получил выходные и отпускные — 67 рубл. Карточки дали сразу за май и за июнь, но за тот месяц не знаем, где давать будут. У вас там (т. е. на месте прежней службы) работы нет, всех сокращают или отправляют. Жизнь неважная... Напишите нам точный адрес, где вы будете стоять и мы вышлем тебе денег, ты наверно дорогой все истратил»...

Таково содержание этой пачки случайных писем, вырванной из моря корреспонденции, получаемой красноармейцами. Они не могут не возмущать, не волновать и не вызывать острого чувства недовольства в их среде. И понятно, что чем дальше, тем чаще это недовольство пробивается наружу. Во всяком случае, в Красной Армии, это хорошо знает Ворошилов, не найти Сталину надежной опоры в его разгроме и погроме деревни. Для этого нужна опричина, на которую и опирается власть Сталина.

А. Омелянов.

рогих гостей из села, которые должны спасти советскую власть.

А потому цены в этой чайной ничем не отличаются от цен... московских ресторанов.

Порция колбасы стоит — 5 руб., а тарелка борща — 1 р. 50 к. Правда, зато эти цены на обед неспособны особенно агитировать за советскую власть, но зато стены агитируют во всю.

Тут полное собрание сочинений Демьяна Бедного и полный иконостас коммунистических святых.

Правда, под вождями не вполне удачные надписи. Под портретом Крупской объявление: «Крепкими словами просят не выражаться».

Под Лениным: «Лицам в нетрезвом виде вход в чайную воспрещается», а у Буденного услужливо предупреждают, что «спиртные напитки в чайной распивать воспрещено».

Мой собеседник пожилой крестьянин тянет 30-копеечный стакан чаю и рассуждает:

«Испугались черти, сначала обобрали, а потом сказали, торгуй. А чем я торговать буду, голь одна на деревне осталась, вот пойдешь подсчитай, ну к примеру у меня дюжина яиц есть, ну, я их продам, так разве на это разбогатеешь, а как я иначе

поступлю, когда еще недавно у меня под метелку все вывели».

Но тут же у него появилась новая незнакомая до сих пор нотка:

Испугались — значит крышка товарищам; ну ничего, держись, *мы теперь воедино слиты, раньше каждый по себе, а теперь вместе в колхозе голодаем, теперь все вместе встанем*».

А потом сразу успокоившись начинает рассказывать, как у него баба научилась из древесной коры борщ варить, как до того дошло, что старик отец повесился, чтобы избавить семью от лишнего едока.

В поезде, на обратном пути, мне рассказали очередной «колхозный» анекдот. К Калинин приехал земляк из деревни. «Как с колхозной торговлей», спрашивает советский президент. — «Да, плохо, отвечает гост. «Вот в газетах у вас писали, что весь наш колхоз на колхозный базар поехал, а на деле только тетка Параска подохлого петуха отнесла». — «Поменьше бы своим глазам верили, побольше бы газеты читали, тогда таких глупостей и не говорили бы» — рассердилась Калинин.

2. Международный квартал в Москве.

Кремлевские правители постепенно сдают, доказательством чего хотя бы служит создание своеобразной зоны неприкосновенности для «высшей расы» представителей мирового капитализма, приехавших в Москву.

Эти «гидры буржуазии», которых кроважидный большевизм обещает сжарить на вертеле, очень не плохо устроились в столице Советов и живут во всяком случае в тысячу раз лучше, официально находящегося у власти пролетариата.

Для них — построены гостиницы, для них создаются рестораны, для них устраиваются увеселительные поездки, каких не знает буржуазный Запад.

В каждом московском кабаке имеются два отделения одно для простых смертных, другое для иностранцев.

В первой половине (куда и впрочем доступ пролетариату строжайше запре-

щен) пируют советские дворяне, ответственные работники, аферисты, в другую половину, подчеркнута роскошно декорированную, имеют доступ одни иностранцы.

Торжественный официант, ничем не отличающийся от официанта буржуазного Запада, предупреждает «товарищей-посетителей», осмеливающихся перейти запрещенную черту, что тут могут находиться только иностранцы, и посетитель покорно возвращается в свою «туземную» часть ресторана, с восторгом поглядывая, как специально содержащиеся «для иностранцев» роскошные женщины», накачивают «гидру буржуазии» недоступными для советского обитателя ямайскими ромами и винами из царских погребов.

В результате создается уже чисто колониальное преклонение перед иностранцем. представителем «господствующей» нации.

Если на улице какой-нибудь француз или немец заскандалит, то ни один милиционер не посмеет его остановить, ибо скандалящий принадлежит к какой-то высшей, неприкосновенной расе.

Утром, когда изнеможенная за ночь километровая очередь подступает к открытым дверям кооператива, торгующего селедками, около Торгсина (магазинов, торгующих с иностранцами), собирается толпа голодных людей, с жадностью заглядывающих в витрину магазина, где торгуют разными колбасами, ветчинами и салами, о которых советский мальчик имеет представление только по рассказам бабушек.

И если тут сравнить положение советского гражданина с состоянием какого-нибудь кули из Пекина и Шанхая, его переживания и ощущения, то мы увидим, что особенной разницы в этих ощущениях нет.

«Международный квартал» в Москве является наглядным доказательством полной идейной дегенерации большевизма в России.

Первомайские впечатления.

Когда к Красной Площади двинулись змеи манифестантов, я задал себе вопрос: «Ну, а он — этот человек с каменным лицом, — коронованный самим Б. Шоу, Повелитель Всероссийский, — неужели он не понимает, что присланное ему на поклон московское население испытывает лишь ту казенную скуку, которой мучились гимназисты доброго старого времени во время затянувшейся обедни?»

Когда толпа дотопила меня до Кремля и на мавзолее я увидел Сталина, я вдруг понял, что он наверняка ничего не знает, ведь стены Кремля издавна отгораживают Власть от Народа, и туда не доносятся стоны загнанных в колхозы крестьян.

Но вот, мы на заводе. Тут «хозяин» — пролетариат, только что вернувшийся с массовки. Повсюду бросаются в глаза пьянчие: пьяные на ули-

цах, в переулках, подворотнях. Мгновенно выростает многоэтажный «мат» по адресу нынешних правителей Руси. Где-то кого-то бьют. А по улицам с той же торжественностью, как и в 1905 году, разъезжают отряды кавалерии, охраняя «порядок» в праздник всех трудящихся. То там, то тут появляются усиленные наряды милиции....

Ну вот я на квартире видного совслужащего, почти сановника, но беспартийного. Оказывается, накануне сановник, бывший эсер, тщательно упаковывал свои вещи. Вся семья целую ночь была на ногах, как и в 1905 году. В чемодан были уложены — подушка, кружка, сахар, хлеб... Ведь в прошлую маевку, в порядке политической профилактики, посадили хозяйна в Чеку. И в эту маевку посадили «Прокофия Петровича» и «Григория Николаевича» — оба тоже старые эсеры, а «Петра Николаевича» забыли. «Петр Николаевич» сначала был весьма смущен этим, но теперь в восторге. Он с удовлетворением попивает водочку... и жалуется. Если рабочий ругнется открыто, его слова полны злобы голодного и одуряченного человека; «Петр же Николаевич» кроет осторожно и сугубо принципиально. Он — спец, подкормлен, одет..., но неудовлетворен. Почему? Да, очень просто.

— «В принципе я не против «них», но нельзя же так. Дадут кусок сукна, ботинки из закрытого распределителя... А потом — бац в морду. Уважения нет!» —

Петру Ивановичу голая злоба непонятна: он прикреплен к закрытому распределителю, он спец.

Вечером на Моховой меня окликнул нищий. Я остановился. Передо мною стоял старик, к которому я в 1926 году наезжал охотиться. Он был тогда председателем.

— «В чем дело?» — спросил я.

— «Да ваши продали меня. Не уплатил налога, так они, черти, продали» — спокойно произнес он, как бы подчеркивая, что в этом нет ничего удивительного — все в порядке вещей.

Ночью попал в «Националь». Надрывалась цыганка. Попивали вино знатные большевики. А в центре, безмятежно, как всегда, сидел американец. Ему не привыкать чувствовать всюду, вне своей родины, себя желанным гостем. Сегодня он с любопытством глядел на демонстрацию «туземцев», сознавая, что время приручило бунтовнический народ, что здесь по его зову к нему кинутся не менее услужливые и рабешные слуги, чем в любой другой стране.

ТРИМИЦ.

Сводка сообщений агентства „КРЕСТРОСС“.

Рабочие беспорядки.

7-го июля на митинге рабочих Одесского завода с.-х. орудий «Октябрьская Революция» один из ораторов, выступавший в маске, огласил выдержки из майского доклада Одесского Областного ГПУ в Харьков и Москву: за май в Одессе, Николаеве, Херсоне и др. городах области было арестовано 1733 рабочих, выслано же частью на принудительные работы в Карельскую республику, частью в поднадзорные команды на Кузбассе, — 628 рабочих.

9-го июля состоялась крупная демонстрация городских комсомольцев в Днепрпетровске, протестовавших против ареста 9 товарищей и многочисленных исключений из организации за отказ выехать на хлебоуборочную кампанию. Демонстрацию поддержали рабочие завода им. Петровского (б. Брянский), представители которых приняли участие в демонстрации.

22-го июля в Севастополе, при попытке наряда войск ГПУ рассеять собрание рабочих и моряков военных судов близ портовых мастерских, произошла перестрелка. Трое рабочих и один матрос тяжело

ранены, восемь — легко. Сильно избит командир наряда, подошедший к толпе с угрозами и угрозами. Прибывшими подкреплениями толпа рассеяна, при чем было арестовано свыше 40 человек.

В г. Шуе на текстильных фабриках в продолжении пяти дней тянулась забастовка рабочих, закончившаяся 23 июля.

Администрация фабрик согласилась треть жалованья выдавать фабричной продукцией. Требования рабочих вызваны тем, что в связи с уменьшением пайка они вынуждены приобретать продукты у крестьян, которые не берут денег, а требуют в обмен за продукты товары.

На 96% предприятий Нижне-Волжского Края с 20-го по 28-ое июля были перерывы в работе по случаю забастовки рабочих. Производительность заводов выразилась за это время в 17% плана. В Саратов, Вольск, Сталинград выехала правительственная комиссия из Москвы.

30-го июля в Архангельске произошла демонстрация рабочих — грузчиков и водников. Оттесненные отрядами милиции и ГПУ от правительственных учреждений, демонстранты разбили стекла в квартирах дома ответственных работников на быв. Троицкой улице, где проживают «верхи»

областных учреждений, и разгромили пакгауз у Соловецкой пристани. При столкновении пострадало 13 человек. Демонстрация явилась заключением двухдневной забастовки на лесопромышленных заводах, вызванной задержкой зарплаты и вторичным уменьшением хлебпайка. Грузчики присоединились из-за отказа увеличить сдельную плату по нагрузке и выгрузке, а водники — в дополнительном вознаграждении за дни плавания.

«ПОЛУНЕП». Перемены в с.-хоз. политике советской власти явились результатом компромисса между «реформистскими» настроениями значительных кругов Наркомзема и Политбюро, стремящегося сохранить «генлинию». В связи с провалом весеннего сева, уборки урожая, под давлением растущих продовольственных затруднений, в Наркомате был выдвинут проект «новой сельско-хозяйственной политики». Этот проект предоставляет полную свободу продажи с.-х. продуктов не только колхозниками, но и единоличниками. Только совхозы должны сдавать хлеб государству. Несомненно, большинство существующих колхозов распадется, останутся только хорошо организованные, крепкие хозяйственно, которые явятся фундаментом обобщественного сектора в сельском хозяйстве и будут в состоянии выносить конкуренцию единоличников. Пример этих здоровых колхозов послужит победой идеи коллективизации. Свободная конкуренция, которая вызовет в начале повышение цен, впоследствии, при усилении крестьян снабжением промышленными товарами, значительно снизит цены и приведет к стабилизации рубля, а этот последний послужит основанием для норм зарплаты и цен промышленных продуктов. Политической опасности проект не представляет: во время его проведения в жизнь успеет укрепиться государственная промышленность, совхозы и колхозы станут сильнее, как в хозяйственном, так и политическом отношениях.

Государство по прежнему останется гегемоном на зерновом рынке.

Противники проекта горячо возражали, указывая, что при свободном выходе из колхозов, бегство крестьян из них станет стихийным, и вернуть им землю, инвентарь, снова сделать их собственниками в короткий срок технически не возможно, а пока этого не будет сделано, крестьяне работать не будут. Возникнет опасный хо-

зяйственный хаос, который вызовет и политические осложнения. Промтоваров в таком количестве, чтобы можно было удовлетворить крестьян, сейчас еще нет, а свободная торговля, усилила бы существующую инфляцию, обесценила бы рубль, что несомненно отразилось бы и на производстве.

Продукции совхозов недостаточно, чтобы остаться на зерновом рынке хозяином положения и быть в состоянии регулировать цены. Государство может потерять рынок и вдобавок остаться без хлебных запасов, что в виду возможной войны может оказаться губительным для власти.

Эти два мнения были внесены в Политбюро, где вызвали длительные и горячие прения. В результате был установлен компромисс, вылившийся в опубликованных уже постановлениях о свободе колхозной торговли, снижения хлебозаготовок и сельхозналога и т. д. Эти полумеры москвичи окрестили «Полнепом» (половина НЕП'а).

ТАИНСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ КОМ'ЯЧЕЙКИ. 11-го июля Областной Комитет Компартии получил заказное письмо от секретаря ком'ячейки Бруновских торфоразработок Осипова следующего содержания: «Немедленно вышлите на торфоразработки требуемое 8 июля продовольствие. Если оно к 15 не будет доставлено, я буду убит. И не принимайте мер к розыску, иначе мне также угрожает смерть. Осипов». Продовольствие было доставлено 14-го, а 15 в 10 часов утра Осипов явился в контору торфоразработок, отказался от всяких объяснений и выехал в Иваново-Вознесенск. Секретарю Обкома он сообщил, что 9 июля поздно вечером, когда он возвращался домой, на него напало трое неизвестных в масках, заткнули ему рот тряпкой и, связав, повезли в неизвестном направлении верст на 25 в сторону от торфоразработок. Привезли его в какую-то землянку, находящуюся где-то в лесу и сразу заставили написать письмо в Обком. В плену с ним обращались хорошо, ежедневно давали хлеб, но твердо заявили, что если продовольствие не будет доставлено к 15 или начнутся облавы, он будет убит. 15 июля на рассвете с завязанными глазами вывели его на шоссе и отпустили. Местонахождение этой землянки Осипов указать не может, так как туда и обратно его вели с мешком на голове.

БОРЬБА НА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОМ ФРОНТЕ. Осложнения на с.-х. фронте вызвали новое совещание ру-

ководящего партактива Украины в г. Харькове. От Наркомзема выступил Трилисский, который в своем обширном докладе нарисовал яркую картину борьбы крестьянства за урожай. **В колхозах образовались сильные и хорошо спаянные группы крестьян, которые враждебно настроены против партии и ее мероприятий, а по своей величине и значению являются полными хозяевами положения на селе.** Даже районные власти и командированные из центра на уборочную кампанию партийцы вынуждены считаться с ними. Количество хлеба, необходимое для обеспечения колхоза до нового урожая, убирается и обмолачивается дружно, без всяких понуждений. Когда же эта норма выполнена, начинается работа кое-как. На работу в поле начинают выходить не более трети состава колхозов, остальные же работают в огородах или по дому. Когда власть или уполномоченный пытаются «нажимать» на них, начинаются «заболевания» крестьян, непонятные поломки и остановки машин, а иногда и просто «итальянка». Конечно, никаких мер «рационализации» и большей продуктивности работы командированные для проведения и руководства кампанией партийцы провести не в состоянии: они остаются только пассивными зрителями того, что происходит. Сельские же местные партийцы, равно как сельсоветы, правления колхозов и даже милиция, совершенно отказывают им в содействии, ссылаясь на угрозы и факты расправы колхозников со слишком ретивыми работниками и рекомендуют не навлекать на себя мести колхозников. Поступило свыше 200 жалоб от командированных о том, что сельская администрация иногда укрывает инициаторов террористических выступлений против приезжих активистов, настаивающих хотя-бы на частичном выполнении заданий. **«Если нам не удастся ликвидировать контр-революционную прослойку в колхозах, — закончил Трилисский свой доклад, — то мы будем вынуждены отказаться от ведения планового хозяйства и от самой коллективизации, ибо при теперешнем отношении крестьянства к партии ни одно плановое задание на сельско-хозяйственном фронте не осуществимо, даже если дать еще большие льготы, чем недавно данные».**

УБОРОЧНАЯ КАМПАНИЯ СОРВАНА. По официальным данным, на основании сведений Кагановича, только что возвратившегося из поездки по Украине, на 20 июля с. г., Украина выполнила только 30% плана, Северн. Кавказ — 38%, Ниж-

не-Волжский Край — 35%, Крым — 52%, Средне-Волжский Край — 28%, ЦЧО — 33%. Всего по СССР убрано 47% озимой и 23% яровой площади.

Крестьяне категорически отказываются выполнять указания властей относительно уборки урожая и контрактации. Поломки сельско-хозяйственных машин, задержки при их ремонте стали обычным явлением. Не хватает конной тяги, а на Украине рабочей силы.

Переброска товаров на сел с целью усилить темпы уборки не достигли цели и не содействовали повышению энергии крестьян — отчасти потому, что их оказалось слишком мало, да и их ассортимент не всегда соответствовал спросу колхозников.

Колхозники требуют уменьшения сдачи по контрактации и снижения контрольных цифр предстоящего урожая, установленных учетчиками на глаз, на основании теоретических расчетов. Так колхозы большинства районов Кубани потребовали в виду плохого урожая озимых и гибели яровых, снизить им контрактацию на 15—25%. **Свои требования колхозники подкрепили приостановкой работ по уборке и обмолату.** То же происходит и в Ставропольщине. В виду широкого охвата забастовкой края, местная власть не в силах применить репрессии и бомбардирует телеграммами Москву с просьбой дать указания, так как каждый день забастовки влечет за собой потерю урожая.

Требования о снижении контрактации стали поступать в Москву и из Нижне-Волжского Края и районов быв. Донской области. Очень остро стоит вопрос и в Уст-Медведевском районе, где по примеру премирзованного в прошлом году колхоза «Красный Октябрь», все остальные **колхозы приостановили работы**, ожидая ответа на свои требования снизить контрактацию.

Закавказский Наркомснаб также сообщает в Москву о начавшихся в Грузии и Азербайджане перебоях в сдаче законтрактованного хлеба. За две десятидневки июля контрактация выполнена в Грузии на 18% плана, а в Азербайджане на 27%.

Но и в тех местах, где работа идет бесперебойно, результаты не лучше. **В виду медленной уборки хлеба, плохой увязки снопов и отсутствия скирдования, потеря зерна доходит местами до 60% урожая.** Немудрено, что Комиссия Исполнения при Украинском Совнаркоме предписала властям на местах повести решительную борьбу с вероятной потерей зерна, рассматривая потерю даже 10% урожая, как повод привлечения Правления Колхоза к ответственности за злостную небрежность. Необходимо командировать на места работы лиц, знакомых с полевыми работами, чтобы они не являлись там наблюдателями, а были и руководителями работ по уборке хлеба.

Наряду с этим **продолжаются террористические выступления против командированных партийцев и комсомольцев.** По донесениям из Райколхозсоюзов Казахского, Ганьжинского, Курдмирского и Шемахинского районов за одну только пятидневку июля было убито 3 партиза и 5 комсомольцев, а тяжело избито — 7 партийцев и 12 комсомольцев.

В Узбекстанской республике, вследствие небрежного ухода в хлопко-колхозах Андижанского, Кокандского, Кувинского, Самаркандского и Ферганского районов погибло более 5 тысяч гектаров пересадочного высококачественного египетского хлопка. Посевой же план его был выполнен только на 13 тыс. гкт., вместо 22 тыс. гкт. из-за недостатка рам, стекла, бумаги и мелу.

АРЕСТЫ НА УРАЛЕ И В ГРУЗИИ. Фабзавкомы 24 крупных Уральских Промпредприятий обратились к Обесполькому, Обком, Обпрофсовету с требованием об освобождении нескольких сот рабочих, арестованных вторично 26 и 27 июля. Освобожденные в «Годовщину освобождения Урала от Колчака» 15 июля из ДОПРА, они вновь были вызваны, яко бы для регистрации и около 400 из них вновь арестовано. Фабзавкомы предупреждают, что негодования рабочих настолько

велико, что может вылиться не только в забастовку, но и в более серьезные выступления рабочих.

23 июля в Москве в партийных кругах стало известно, что среди младшего комсостава национальных частей Грузии произведены многочисленные аресты. Арестованные будто бы входили в кружки грузинских социал-федералистов, подготавливавшие антикоммунистический переворот в Грузии и Абхазии.

Юбилей К. Р. Кочаровского.

В текущем году исполняется сорокалетие литературной и общественной работы К. Р. Кочаровского, лучшего (по общему признанию) знатока русского крестьянства и многостороннего исследователя правовых, экономических и бытовых особенностей русского села.

Кочаровский — народник до мозга костей. Таким он был в 1892 году, когда напечатал первую работу о крестьянстве и переселении, таким же остался и ныне, когда работает над составлением программы для изучения юго-славянского села. Он остался чуждым модному марксизму, который в 90-х годах так пленил интеллигентную верхушку русского общества и увлек множество его сверстников, а продолжал свою углубленную работу над познанием сложных проблем русского сельского быта. Результатом этого изучения было крупное исследование «Русская Община», изданное в 1900 г., удостоенное премии и навсегда утвердившее за автором репутацию знатока и защитника общинного устройства. По отзывам Кауфмана и др. ученых, — «он (Кочаровский) — первостепенный и, быть может, первый знаток, если не всей обширной сферы народного обычного права, то во всяком случае общинно-земельного права»... «он более, чем кто-либо, компетентен в вопросах народного права и народного правосознания»... «он говорит правду и только правду и независим от тенденций»... и т. д.

В 1906 году напечатано исследование К. Р. Кочаровского под заглавием «Народное Право», основанное на самостоятельной обработке материалов земских статистических Бюро, охвативших хозяйства более, чем 70 тысяч общин всех районов России. К 1916 году у К. Р. были готовы последующие три тома его капитального исследования о русской общине, но эта работа уже не могла появиться в печати вследствие наступивших потрясений.

Одновременно с работой над русской общиной К. Р. Кочаровский увлекался социальными теориями, и у него сложилась оригинальная схема исторического процесса, как развитие целеустремлений и целесообразностей, каковую он схематически опубликовал в 1913 году в особом очерке (около 100 стр.), а затем в период с 1921 по 1927 гг. развивал ту же теорию в ряде статей, появившихся в русских эмигрантских журналах.

В 1924 г. ему удалось организовать в Праге «Институт русской сельской культуры» в качестве научно-исследовательского учреждения, просуществовавший недолго и затем влившийся в — «Институт изучения России» (ныне тоже упраздненный).

Лишенный материальной поддержки в Праге, К. Р. Кочаровский переносит свою деятельность в Белград, где ныне пребывает, занимая скромное место библиотекаря в Белградской Публичной Библиотеке.

С присущей неутомимостью и самоотверженностью, К. Р. Кочаровский и в стесненных условиях своего белградского существования продолжает отдавать свои силы исследовательской работе в избранных областях. В настоящее время у него готовы к изданию две книги: 1) Автономизм (400—500 стр.), где дается обоснование того нового этапа развития человечества, на которое оно должно вступить и которое характеризуется чертами свободного и мирного преобразования (реформизма) путем всеобщей целесообразности, — и 2) «Россия» (такого же объема), где будет дана сводка и завершение всех предшествующих конкретных исследований автора о русском селе и крестьянском мире. Независимо от этого юбиляра не оставляет своей мысли организовать «Курс научного изучения России» и привлечь к работе новое поколение.

Как издание книг, так организация курсов остаются пока в проекте по одной ничтожной, но всеильной причине: полного отсутствия у юбиляра материальных средств...

Предвидя в нынешнем году повторение голода на нашей родине, К. Р. Кочаровский издал воззвание в форме «открытого письма к Хуверу», имеющего широкий публицистический интерес. Воззвание необходимо бы распространить в сотне тысяч экземпляров в переводе на семь-десять языков, но для этого опять таки у юбиляра, живущего на нищенское жалование библиотекаря, средств не обретается и ни откуда помощи покамест не предвидится.

В связи с юбилеем пожелаем юбиляру осуществить свои мечты об издании своих трудов и привести в осуществление проект об организации «Курсов изучения России».

Проф. К. Храневич.

Вышла из печати

Е. ГРАДОВА „ДЯДЯ“ (История одного крестьянина.)

Картины кровавой борьбы угнетенного русского крестьянства с коммунистической диктатурой. Весь доход от издания пойдет на поддержку внутрироссийской политической работы и борьбы.

Цена 5 кч. (15 амер. центов, 10 динаров, 20 лева, 4 фр., 1.50 зл.)

С требованиями обращаться

Redakce „Krestjanskaja Rossija“, Praha-II., Krakovská ul. čís. 8. Tchecoslovaquie.

• Věstník Selského Ruska • vychází koncem každého měsíce. — Adresa redakce: Praha II., Krakovská 8. Tchecoslovaquie. — Vydavatel Seručij Maslov. — Z odpov. redaktor Jiří Pak. — Cena Kč 3.—. — Tiskem „Legiografie“, Praha XIII., Sámova 665. — Novinová sazba povolena ředitelstvem pošt a telegrafů v Praze pod číslem 109938-VII-31.

Корреспонденция из России.

Магнитогорск.

(Письмо из России в Ц. К. «КР.»)

Недавно при объезде целого ряда местностей удалось побывать в Магнитогорске. Цифр, характеризующих строительство и добычу руды и «грандиозность» работ, я не знаю, но полученные впечатления, главным образом, в области бытовой, и мелкие детали в достаточной степени обрисовывают положение со строительством, условия труда и жизни оселанных туда со всех концов России крестьян и рабочих!

Нечего перечислять всем известные цифры запасов руды и астрономические цифры же выпуска ее, намеченные пятилетним планом, указывать на то значение, которое коммунисты придают строительству Магнитогорска, но я не могу не привести небольшой выдержки из статьи одного популярного журнала под заголовком «Новые Города» для того, чтобы описываемое мною в дальнейшем еще более конкретно подчеркнуло прямо анекдотическое хвастовство, которым у нас и живет и дышит пресса во всех ее видах и заманивает доверчивых людей (есть еще такие) туда, куда это им нужно, чтобы потом опять таки кричать об «антузиазме», с которым рабочие и крестьяне, якобы «рвутся участвовать в великой стройке»

Вот, что пишет этот журнал:

«Город Магнитогорск на Урале запроектирован на берегу реки. Ряд жилых домов составляет квартал. Каждый дом обслуживает своих жильцов не только кроватью и крышей, но и в социально-культурно-бытовом отношении. В квартале объединены детские ясли с игрушечными столиками и стульями, залитые светом столовые, просторные клубы, универмаги, бани с бассейнами и прачечные. Клуб и центральная столовая в каждом жилом доме. Кроме домов с отдельными кухнями, будут воздвигнуты дома коллективного типа. Взамен кухни здесь в каждой жилой ячейке — шкаф-плита, на которой можно готовить пищу из полуфабрикатов, производимых для всего города центральным пищевым комбинатом. Не надо чистить картошку, рубить котлеты, мыть мясо, потрошить курицу, пачкать руки в рыбьей чешуе. Котлета с гарниром кладется на электрическую сковородку, вставляется штепсель... В дальнейшей плитке уберутся. Каждый будет завтракать, ужинать и обедать в столовой. Обеденные семейные столы с коричневыми пятнами на скатертях, увенчанные на углах инициалами хозяйки, найдут под стеклянные колпаки в музеи древностей и старого быта. И в домах индивидуальных кухни исчезнут, превратившись в умывальные комнаты с белыми кафельными стенами, с теплым душем там, где стояла плита с армией чайников и кастрюль».

Как видите рай, да и только!

И надо отдать справедливость коммунистам, что все условия жизни на стройках «гигантов» таковы, что возможность «попасть в рай» чрезвычайно облегчена.

В конце 1930 года, по данным прессы, в Магнитогорске жило 35 т строителей завода-гиганта и их семей. С 1 января 1931 г., по данным той же прессы, в городе открывается ВТУЗ, рабочий университет и техникумы... Но все эти «блага» — на бумаге. А вот неприкрашенная действительность!

К тому времени, когда я появился в Магнитогорске, по большевинскому расписанию многие «блага» должны были стать вполне осязаемы.

Между тем самый вид строительства, о котором столько пишется, самую свою внешность приводил в недоумение.

В районе *будущего* вокзала *груды лежащих и копошащихся в сплошной грязи рабочих, крестьян, их жен и детей, живущих прямо на земле*, несмотря ни на какую погоду. А климат в этой части Урала вообще не отличается мягкостью. Лица у всех измученные и голодные. Да и не мудрено, — в Магнитогорске все привозное и на месте ничего купить нельзя. Безпрерывные и бесконечные закупорки единственной ж. д. линии еще более усугубляют и без того тяжелое положение с продовольствием. Характерно то, что целая группа моих спутников — служащих учреждений, расположенных по линии ж. дороги ехала в Магнитогорск как раз с целью закупить продовольствия, т. к. на местах их службы положение в этом отношении было отчаянное, ибо «на линии» ничего невозможно достать.

Повертевшись возле станции (БУДУЩЕЙ) компания отправляется в «город». «Город» представляет собой несколько рядов палаток, а кое-где *наскоро сколоченные деревянные бараки*, при виде которых жутко становится при одной мысли, что в них зимовали рабочие и их семьи, что и этих барачков не хватало для всех и приходилось в морозы жить... в палатках.

В длительных и тщетных поисках еды наше внимание привлекла громадная толпа перед невзрачным деревянным зданием. Оказалось, что это баня — единственная на 35 тысяч жителей. Попасть в нее почти совершенно невозможно. Но за то неподалеку кинулось в глаза большущее здание, правда тоже незаконченное, — театр, а рядом колоссальных размеров строение — цирк.

Как видите, тонкая до чрезвычайности политика — «если нет хлеба, то души голод зрелищами».

Наконец, по совету встречных, вся кампания отправилась в местную «Фабрику-Кухню», помещающуюся в нижком деревянном здании с грязными темными окнами. В ожидании открытия *стояла длинная очередь преимущественно из рабочих*. В очереди шли разговоры о невыносимо трудном житие, о хроническом голодании, о изнуряющей, непосильной работе. Большинство кинулось на стройку, подавшись на заманчивое описание газет. Брошено было налаженное хозяйство, распродано имущество в надежде, что на новом месте действительно строится новая жизнь. Кто захватил с собой жену и детей, тот дошел до полного отчаяния: *живут без крыши, на мизерном пайке, в голоде; дети болеют, мрут, медицинской помощи добиться невозможно; кругом тиф, дизентерия, дифтерит, корь...* Уехать обратно нет возможности, т. к. при здешней дороговизне нельзя сэкономить на обратный проезд, да и просто нельзя получить обратно из конторы, где работаешь, личных документов...

За такими разговорами прошло время до открытия столовой. Вошли. Темень, грязь, масса мух, какая-то острая вонь. Грязные деревянные столы на козлах и скамейки из неотесанных досок. Раньше чем получить талончик на обед, требуется добыть посуду — ложку и деревянные тарелки, облупленные, с подозрительным запахом, плохо вымытую. Ее дают лишь под залог двух рублей, или чего-либо из документов, или носильных вещей. Большинство оставляет шапки.

Однако моим спутникам, несмотря на длин-

ный разговор с заведующим столовой, подкрепленный ворохом удостоверений, талонов не дали, т. к. «своим едья-едья хватает». Разочарованные несколько ослабело, когда увидели — из чего состоит тот самый обед, которого так мучительно и тщетно добывались: маленький ломтик хлеба, тарелка «совершенно чистого» супа — т. е. горячей воды, чем-то сдобренной, на «второе» — немножко мятой картошки — «пюре» — на воде с маленьким кусочком огурца. Такой обед «фабрика-кухня» отпускает каждый день.

Совершенно измученная и голодная компания отправилась искать по городу за любые деньги кусок хлеба. В нескольких найденных ларьках Госторга можно было бы купить по «сверх-коммерческой» цене все виды парфюмерии, в немногих — все виды овсяного кофе... и ничего больше. Между тем уже наступил вечер. Пошел дождь. Грязь стала совершенно непроезжей. Обойдя весь город, приезжие попали в квартал «техперсонала», где отыскивали два кооператива, в которых тоже ничего не нашли, и столовую для «техперсонала», в которой им, несмотря на все их просьбы и доказательства, что и они принадлежат к «техперсоналу», в еде было категорически отказано, как приезжим.

Во время своих блужданий по городу, мы обратили внимание на ряд белых домиков по склону горы, столь выделяющихся на общем фоне

«строительства» Рабочие со злобой объясняли нам, что там... живут *иностранцы*, что *им... присылают туда ежедневно все, чего они пожелают: сыр, масло, колбасу, фрукты, вина, цветы...*, что *получают они... по 5000 рублей в месяц в золотой валюте, что русским рабочим нет житья от заносчивости и высокомерия этих иностранных спецов и инженеров, что русские ненавидят их с острым ожесточением...*

Слышали мы о том, сколько народу умерло прошлой зимой от тифа, о холоде, о нехватке воды, о недостатке привозного топлива... о том, как пытались бежать напрямик через стену, сомнятые силой «юда на постройку плотин и котлованов, крестьяне и гибли от холода и голода... А им на смену везли норных. Тогда стали мне понятны бесчисленные поезда-эшалоны, которые обгонял мой поезд, битком набитые крестьянами с семьями. Грустные дети плакали, а те, что побольше выбегали к поезду и жалобно просили хлеба... Взрослых из вагонов не выпускали.

Вот какова изнанка того рая социалистического строительства, с его молочными реками и изобильными берегами, с его «белыми кафельными стенами» и «электрическими сковородками» и «котлетами с гарниром», в которые, может быть, и вы, дорогие друзья-эмигранты, подчас склонны поверить, читая по нашим газетам о «неисчерпаемом энтузиазме» русского населения».

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ В АМЕРИКЕ.

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

Старейшая ежедневная газета.

Редактор *М. Е. Вейнбаум.*

413 East 14 st. New York U. S. A.

РУССКАЯ ГАЗЕТА

Ежедневная газета русской национальной мысли.

Редактор *Н. С. Каринский.*

438 West 37 st. New-York,
U. S. A.

РАССВЕТ

Ежедневная газета русских рабочих культурно-просветительных организаций.

1722 West Chicago av. Chicago
Illinois, U. S. A.

НОВАЯ ЗАРЯ

Единственная ежедневная русская газета на Тихоокеанском побережье.

Редактор *Г. Т. Сухов.*

2078 Sutter st. San Francisco
Cal. U. S. A.

ПРАВДА

Католическая газета, издаваемая «О-вом Русских Братьев»

Редактор *Д-р. С. С. Пыж.*

1732 Brandyvin st. Philadelphia
Pa. U. S. A.

СВЕТ

Русская ежедневная газета (католическая), издается Русским православным католическим Обществом Взаимопомощи в С. Ш. А. (220 братьев).

Редактор *Прот. о. И. Крашкевич.*

84 East Marketst
Wilkes-Barre. Pa. U. S. A.

Сообщайте адреса своих знакомых русских и иностранцев, знающих русский язык, чтобы мы могли послать им пробный номер «Вестника Крестьянской России».